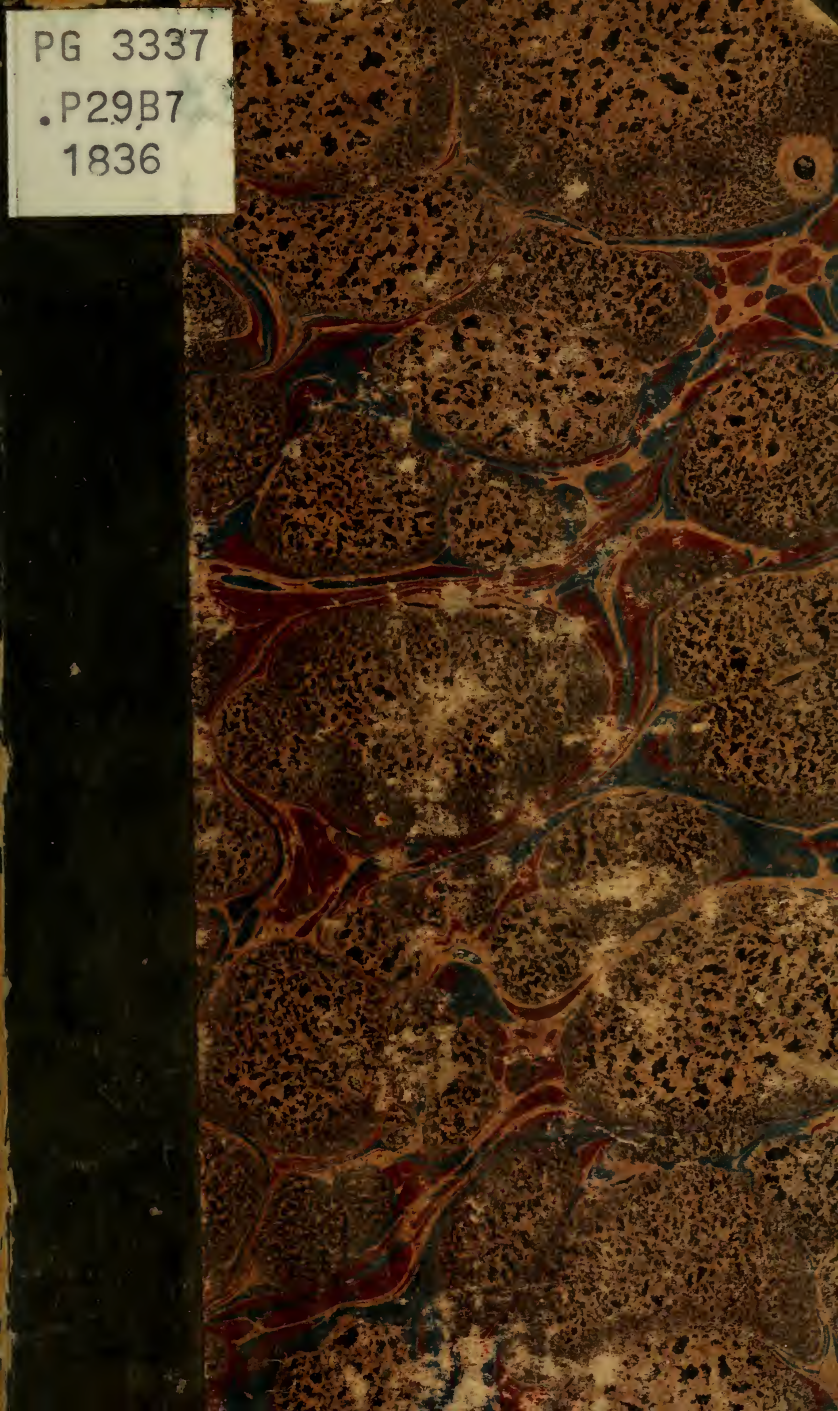

PG 3337
.P29B7
1836

БРАТЪ ВЕЧЕСЛАВЪ,

ИЛИ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ БЛИЗЬ КАСИМОВА.

ПОВѢСТЬ XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧ.

А. А. Павлова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи Н. Степанова.
1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Маія 20 дня 1836 года.

Цензоръ *Д. Перевощиковъ.*

БРАТЪ ВЕЧЕСЛАВЪ.

ГЛАВА I.

Задумчивый незнакомецъ. Каменная собака. Избавители. Кто они?

═

Еще и по нынѣ видны слѣды нѣкогда существовавшаго притона разбойниковъ, въ 30-ти верстахъ отъ города Касимова. Зеленые курганы гордо возвышаются на пространной лугови-

нѣ, окруженной сосновымъ боромъ; на вершинѣ одного и теперь примѣтно обширное углубленіе, обкладенное кирпичемъ и дикимъ камнемъ, которое, какъ говоритъ преданіе, служило имъ потаеннымъ складочнымъ мѣстомъ накраденныхъ вещей; и по тому-то этотъ холмъ и называется Золотымъ.

Осматривая внимательно это мѣсто, я замѣтилъ, что прочіе четыре холма находятся въ равномъ отдаленіи отъ Золотаго, и если провести къ нимъ линіи, то они образовали бы правильный четвероугольникъ.

Изъ этаго можно заключить, что всѣ эти курганы были насыпные по какому нибудь важному предпріятію.

Такъ, какъ сохранилось преданіе, въ которомъ подробно повѣствуются всѣ дѣянія, произходившія въ продолженіи XVI столѣтія въ окрестно-

стяхъ Касимова, то между прочимъ и объ этихъ курганахъ въ немъ упоминается.

Но чтобы прежде времени не сказать мнѣ, кѣмъ и когда они насыпаны и по какой причинѣ, я начинаю повѣсть, заимствованную изъ преданія.

Въ 1501 году, въ началѣ Мая, стояла погода пасмурная, холодная. Снѣговыя облака величественно и вмѣстѣ угрюмо громоздились на небосклонѣ и сыпали пушистый снѣгъ на Касимовскія поля, начинавшія уже зеленѣть. Ока въ другой разъ покрывалась льдомъ. Близь береговъ дѣти Татаръ катались на ногахъ, гоняли кубари; нѣкоторыя, посмѣлѣе, скатывались на салазкахъ съ крутыхъ береговъ Оки, подвергаясь

безпрестанно опасности проскользнуть далѣе, гдѣ ледъ былъ тонокъ.

Въ одинъ вечеръ самый холодный сидѣлъ какой-то мужчина на берегу рѣки не далеко отъ большаго прорубя на оледенѣвшемъ пнѣ, и толстою, суковатою палкою чертилъ какія-то Татарскія буквы. На головѣ была нахлобучена огромная соболья шапка, самъ закутанъ въ медвѣжью шубу и опоясанъ краснымъ узорчатымъ платкомъ.

Подлѣ него лежала сѣрая курчавая собака и помахивала хвостомъ, запушеннымъ снѣгомъ. Хозяинъ не внималъ ея ласкамъ: сидѣлъ угрюмо въ какомъ-то безчувственномъ забытіи.

Онъ былъ лѣтъ 32-хъ. Лице бѣлое, круглое, оживленное прекрасными голубыми глазами. Черные, небольшіе усы, завитые въ маленькія кольцы,

придавали ему важность и сановитость. По его одѣянію еще не льзя было рѣшительно узнать, кто онъ таковъ: Русской ли, или Татаринъ, бояринъ, или крестьянинъ волостей Великаго Князя Василія Іоанновича.

Кто бы то ни былъ онъ, только лице его показывало душевную печаль. Глаза, устремленные на прорубь, какъ будто говорили: *въ немъ найду я конецъ бѣдамъ своимъ.* Всякій, кто бы ни увидѣлъ, пожалѣлъ бы о немъ съ участіемъ.

Этотъ задумчивый человѣкъ сидѣлъ долго въ одинакомъ положеніи, не смотря на снѣгъ, вьюгу и жестокій холодъ. Собака, не смотря на то, что была одѣта въ свою природную шубу, тряслась и по временамъ вскрикивала.

Вѣрно она была бережена своимъ

господиномъ и не привыкла сносить такую стужу и непогоду.

Вдругъ сильный порывъ вѣтра снесъ съ головы соболью шапку и укатилъ ее въ прорубь. Собака рявкнула, мгновенно кинулась за нею въ прорубь и, доставши ртомъ, возвратилась къ хозяину.

Онъ молча надѣлъ ее.

Собака, измокшая въ прорубѣ, еще болѣе стала дрожать и взвизгивать. Но это продолжалось не долго; снѣгъ хлопками обсыпалъ ее, замерзъ и одѣлъ твердою, ледяною одеждою. Когда дунулъ еще порывистый вѣтеръ, то леденая собака покатилась въ низъ съ крутизны и разшиблась на нѣсколько частей, ударившись объ ледъ.

Сильный ударъ заставилъ незнакомца очнуться.

»Что это значитъ?« вскрикнулъ онъ, озираясь дико кругомъ.

»Свѣжая, застылая кровь, оледенѣлые куски какого-то животнаго. Странно! ......Гей! Куртасъ?« продолжалъ онъ, осматриваясь по прежнему.

Напрасно кликалъ онъ своего Куртаса: мертвые не слышутъ и самыя послушнѣйшія существа не исполняютъ приказаній своихъ властителей.

»Такъ, эти куски остатки моего Куртаса. Бѣднякъ! если бы не такой случай, жить бы тебѣ еще.... Жалко, помочь не льзя! Прости, мой вѣрный товарищь!« Голосъ незнакомца прервался, и онъ опять умолкъ.

Въ молчаніи поднялся онъ на широкую равнину—луговую сторону Оки, и пошелъ тихимъ шагомъ по едва примѣтной тропинкѣ.

Міракъ ночной началъ постепенно

густѣть и облегать подлунное царство природы, и потомъ такъ стемнѣло, что не льзя было разсмотрѣть самыхъ ближайшихъ предметовъ.

Задумчивый человѣкъ шелъ довольно долго, не примѣчая того, что сбился съ тропинки; напослѣдокъ вдругъ попалъ въ тинистое болото, только что растаявшее. Этотъ неожиданный случай заставилъ его очнуться, и онъ сказалъ съ удивленіемъ:

» Кой чёртъ? куда я попалъ; не къ сатанѣ ли въ гости? А все это надѣлала моя задумчивость? Эхъ, братъ Марко; если бы не ты, не тонуть бы Вечеславу въ тинѣ, не носить бы въ сердцѣ такой тяжкой, черной думы!... Знать, такъ опредѣлилъ Господь! Что угодно Ему, то и будетъ со мною; а ужъ отыщу этаго стараго коршуна; вырву изъ него черное сердце и кину

псамъ голоднымь!... Погибнутъ всѣ враги мои, если не найдутся братъ и сестра!« При этихъ словахъ лице его побагровѣло, глаза налились кровью, волосы поднялись, соболья шапка скатилась въ тину. Незнакомый человѣкъ былъ ужасенъ. Всякій, кто увидѣлъ бы его, испугался и почелъ бы за злодѣя.

Въ грозномъ порывѣ, онъ употребилъ всѣ усилія, вылезъ изъ тины и пошелъ далѣе.

Постепенно грозный видъ его изчезалъ; лице принимало покойный видъ, глаза наполнялись слезами, и онъ сказалъ довольно громко:

»Если Богъ утѣшитъ исполнить мои желанія, тогда я позабуду враговъ, возвращусь на родину съ сестрою и братомъ, и стану жить и наслаждаться счастіемъ. Что можетъ быть милѣе брата и сестры? О! милая моя

Людмилла! Увижу ль я еще тебя, дитя мое! Полюбуюсь ли тобою, какъ нѣкогда въ младенчествѣ, когда ты съ небесною простотою играла на рукахъ моихъ и, трепля нѣжной рученкой по щекѣ моей, произносила: любезный братецъ! «

Онъ умолкъ. Пошелъ еще тише и, казалось, погрузился въ совершенное самозабвеніе; и вдругъ въ это-то время въ другой разъ попалъ въ болото по самую шею.

Представте его положеніе; смерть ужаснѣйшая представилась ему: быть живому поглощену тиною гнилою, пропастью! Всѣ усилія его освободиться были тщетны; конецъ жизни приближался; тина едва не доставала ему до рта.

Онъ началъ кричать, и по счастію

голосъ его былъ услышанъ проѣзжающими мущинами.

Ихъ сидѣло въ большой тарапайкѣ человѣкъ шесть. Двое правили лихою четвернею лошадей.

Долго они, по темнотѣ ночи, не могли сыскать несчастнаго незнакомца; но, кажется, само небо сжалилось. Проглянула луна и освѣтила его голову, едва не поглащенною пропастью.

Незнакомца вытащили, посадили въ тарапайку, и освободители погнали лошадей еще скорѣе.

Одинъ какой-то молодецъ запѣлъ безпечно пѣсню, которую однакожъ не сохранило преданіе, и потому я не могу помѣстить ее.

*

ГЛАВА II.

Атаманъ Ѳомка. Кто задумчивый человѣкъ. Подземелья въ Касимовскомъ лѣсу.

═

» Куда, добрые молодцы, вы меня везете,« спросилъ задумчивый человѣкъ своихъ освободителей.

— Не далеко отъ Касимова, въ лѣсъ, въ жилье славнаго Атамана разбойни-

ковъ *Θомушки.* Онъ, брашъ, шакой добрый; обласкаешъ шебя и шошчасъ сдѣлаешъ своимъ послушникомъ, а шамъ за первый ошважный посшупокъ слугою, а далѣе и шоварищемъ,—говорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ голосомъ суровымъ и вмѣсшѣ насмѣшливымъ.

»Мнѣ, вишязю Царскому, сыну Боярскому, бышь рабомъ у разбойника?« воскликнулъ съ ужасомъ незнакомецъ.

— Что дѣлашь, пріяшель, коли къ намъ попалъ, и будь нашего приходу, а въ чужой приходъ съ своимъ усшавомъ не суйся,—сказалъ другой шоварищъ.

— »И вѣдомо: любо не любо, живи не шужи! Мы сами знашнаго ошродья: кшо мужикъ, кшо Ташаринъ, кшо Цыганъ; у насъ, брашъ, все равно! Ашаманъ нашъ Θомушка убѣжалъ ошъ

висѣлицы; набралъ насъ въ добрый часъ, да сталъ съ нами жить; не о чемъ и тужить,« — сказалъ другой товарищь.

» Нѣтъ, братцы товарищи, пустите меня; мнѣ должно еще служить Государеву службу. Я въ Касимовъ пріѣхалъ за дѣломъ къ Хану,« сказалъ незнакомецъ.

— А какъ же чортъ тебя занесъ въ Окинское болото въ такую погоду и темнять?—спросилъ одинъ изъ товарищей.

» Какъ и за чѣмъ, я и самъ не знаю!«

— Нѣтъ, пріятель, ты намъ разскажешь, когда мы пріѣдемъ домой. Вѣрно ты съ какимъ нибудь намѣреніемъ выжидалъ на Окской долинѣ и запоздалъ до вечера,—сказалъ одинъ изъ товарищей.

»Хорошо, я вамъ все разскажу, только выпустите меня,« сказалъ незнакомецъ.

— Можетъ быть и мы тебѣ пригодимся. Почемъ знать? Не чуждайся молодцевъ; если ты въ бѣдѣ, то мы поможемъ,—сказалъ другой товарищъ.

— »А какъ зовутъ тебя, пріятель?« — спросилъ третій товарищъ.

»Меня зовутъ Вечеславомъ, прозваніе Бѣлосельскій. Я сынъ богатаго Московскаго Боярина и Витязь Великаго Князя Московскаго Василія Іоанновича,« сказалъ незнакомецъ, котораго мы станемъ называть Вечеславомъ.

— И такъ доброе здоровье Витязю Великокняжескому Вечеславу!—воскликнулъ одинъ изъ товарищей старѣе ихъ и сидѣвшій въ почетномъ мѣстѣ въ тарантайкѣ.

И прочіе товарищи воскликнули:

—»Да здравствуетъ Витязь Вечеславъ!«—Бѣлосельскій благодарилъ ихъ.

Между тѣмъ сытыя лошади быстро мчали тарантасъ, и уже прошло болѣе, нежели два часа времени. Вдали зачернѣлся лѣсъ въ правой сторонѣ, если ѣхать изъ Касимова.

— Въ этомъ лѣсу наше жилище,— сказалъ старшій.

»А много ли мы верстъ проѣхали отъ Касимова?« спросилъ Вечеславъ.

—Верстъ двадцать пять,—отвѣчалъ тотъ же.

»Скоро же мы проѣхали ихъ!«

— »Наши кони быстроноги,«—сказалъ одинъ изъ правившихъ лошадьми.

Скоро подъѣхали къ лѣсу. Товарищи отпрягали престяжныхъ лошадей, потому что четвернею не льзя было ѣхать отъ узкаго пространства дороги.

Лѣсомъ проѣхали они версты четыре и наконецъ подъѣхали къ небольшому зданію, обнесенному каменною высокою оградою.

Одинъ изъ сидѣвшихъ свистнулъ громхо три раза, и ворота тяжелыя желѣзныя отворились со скрипомъ.

Пріѣхавшихъ встрѣтили человѣкъ пять мужчинъ, одѣтыхъ въ разныя платья.

» Добро пожаловать, ожидаемые гости! Ѳомушка давно уже ждетъ васъ! « говорилъ одинъ изъ пятерыхъ.

— Что привезли намъ новаго?—спросилъ другой.

—» Боярскаго сынка Вечеслава Бѣлосельскаго, «—отвѣчали пріѣхавшіе.

Ночной мракъ не позволялъ Бѣлосельскому разглядѣть то мѣсто, куда занесла его судьба. Слѣдуя за новыми своими товарищами, онъ прошелъ длин-

ный, темный корридоръ, освѣщаемый только двумя ночниками, и напослѣдокъ вступилъ въ пространную комнату, довольно освѣщенную и украшенную оружіемъ и разными накраденными вещами. Въ углу этой комнаты, подлѣ изразчатой печи, на скамьѣ, лежалъ человѣкъ огромнаго роста.

Когда товарищи вошли къ нему, онъ приподнялся, зевнулъ протяжно и сказалъ тонкимъ дишкантомъ:

— Что-то привезли, а долго ѣздили.

Пришедшіе поклонились низко, кромѣ Бѣлосельскаго, который не слишкомъ вѣжливо и благосклонно смотрѣлъ на чудовище человѣческаго рода. Представьте себѣ существо съ огромнѣйшею головою, ужаснѣйшимъ лицемъ и необыкновенно безобразнымъ туловищемъ. Онъ могъ бы себя показывать за деньги, какъ чудное созданіе проказ-

ницы судьбы, если бы жилъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ.

— Что же вы молчите, товарищи? али нечего сказать? — спросилъ Ѳомушка.

— »Мы привезли новаго товарища,« — отвѣчалъ одинъ изъ пріѣхавшихъ.

— Вижу, братъ, Курилка, что есть одинъ чужакъ. Подойди-ка, добрый молодецъ, познакомимся.

Бѣлосельскій приблизился.

— Волей или неволей ты попалъ къ намъ товарищемъ? — спросилъ Ѳомушка.

»Ни волей, ни не волей я попалъ въ ваше общество и не буду вашимъ товарищемъ: сынъ Боярскій, Витязь Царскій не можетъ быть разбойникомъ!« говорилъ Бѣлосельскій.

— Потише, бояринъ, разговаривай;

коли попалъ въ нашъ монастырь, такъ уважай и Игумна!—сказалъ Ѳома.

»Напрасно ты меня хочешь испугать; я ничего не боюсь, ни самой смерти. Я ее видалъ и встрѣчалъ безтрепетно во время кровавыхъ битвъ. Ты видишь, на моемъ лицѣ остались слѣды ударовъ непріятельскихъ. Имя Вечеслава Бѣлосельскаго извѣстно и Царю Русскому.«

Ѳомушка улыбнулся, протянулъ къ нему свою огромную руку и сказалъ:

— Радуюсь, что судьба привела такого знаменитаго Боярина въ жилище Атамана Ѳомушки—сокола. Сядь, товарищъ, и отдохни отъ дороги. Гей, дѣтки, подайте скамью новому сотоварищу.

Скамья, обложенная краснымъ сукномъ, подана. Бѣлосельскій сѣлъ.

— Разскажи, бояринъ, какъ ты попалъ въ Касимовъ, зачѣмъ и какъ тебя нашли мои дѣтки?

» Изволь, я все разскажу; но съ условіемъ, чтобы выпустить меня.«

— Это впереди. Можетъ быть и понадобишься. Въ твоемь лицѣ я вижу каку-то ужасную таинственность; печаль, злодѣйка тоска лежитъ на твоемъ сердцѣ? Правда ли, товарищь?

» Ты угадалъ. Я уже четыре года ношу ее въ головѣ своей. Слушайте, я начинаю повѣсть.

*

ГЛАВА III.

Разсказъ Вечеслава.

═

» Родитель мой былъ любимцемъ Великаго Князя Іоанна, покойнаго родителя нашего Царя Василія Іоанновича. Іоаннъ возвелъ его въ санъ боярскій за вѣрную и усердную службу, назна-

чилъ ему въ жены Княжну Прозоровскую, славившуюся красотою, добрымъ нравомъ и богатствомъ. Счастіе на отца моего лилось изобильнымъ источникомъ. Онъ жилъ, наслаждаясь земными благами.

Въ это время я родился.

Вамъ извѣстно, что первенца всѣ лелеятъ, любятъ. Родители не знали, какъ выростить меня; берегли, покоили, утѣшали и напослѣдокъ дождались того, что я сталъ уже не ребенкомъ, но здоровымъ и бравымъ юношею. Великій Князь, увидѣвши меня, опредѣлилъ въ рынды; и съ тѣхъ поръ я сдѣлался извѣстенъ Великому Князю.

Василій Іоанновичь былъ мнѣ ровесникомъ и любилъ меня болѣе моихъ товарищей. Казалось, что родительское счастіе перешло и на сына; всѣ желанія мои совершались; я былъ окру-

женъ великолѣпіемъ, пышностію; красавицы, дочери Русскихъ Вельможей, предпочитали меня товарищамъ и баловали меня своими ласками. Одна изъ нихъ совершенно овладѣла мною; я полюбилъ ее и признался Великому Князю, моему благодѣтелю. Онъ предложилъ отцу этой красавицы выдать ее за меня, и онъ согласился. Такимъ образомъ въ двадцать лѣтъ я былъ уже женатъ и получилъ при дворѣ мѣсто конюшаго.

Между тѣмъ у меня уже были еще братъ и сестра; первому было десять лѣтъ, второй шесть. Сестра была необыкновенно красивой наружности; красотою превосходила матушку, и пріятели предрекали батюшкѣ нашему, что Людмила будетъ первою красавицею въ Москвѣ.

Такъ шло время.

Счастіе не переставало благодѣтельствовать нашему семейству. Но вдругъ вспыхнуло возмущеніе въ Касимовѣ: Вельможа, Ханскій любимецъ, Князь Исакъ, съ помощію своихъ единоумышленниковъ, тайно убилъ Хана и объявилъ себя повелителемъ Касимовскихъ Татаръ.

Великій Князь Іоаннъ, получивши объ этомъ произшествіи извѣстіе, тотчасъ приказалъ моему батюшкѣ отправиться въ Касимовъ, разобрать дѣло и казнить возмутителей, и по окончаніи дѣла занять должность Намѣстника.

Батюшка со всѣмъ семействомъ своимъ отправился. Я проводилъ его до Владиміра и тамъ разстался съ батюшкой, матушкой, братомъ и сестрою.

Сердце мое какъ будто шептало мнѣ, что я разстаюсь съ ними на вѣчно. Я плакалъ безутѣшно, какъ ребенокъ, у котораго отняли его любимую игрушку.

Мѣсяца черезъ два родитель прислалъ къ Великому Князю холопа своего съ извѣстіемъ объ успѣшномъ окончаніи дѣла. Бунтовщикъ же Князь Исакъ пропалъ безъ вѣсти. Батюшка занялъ его домъ.

Такъ прошло полгода.

Я, не получая никакихъ извѣстій о родителяхъ, собирался самъ къ нимъ ѣхать, какъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, пріѣхалъ ко мнѣ меньшой братъ съ холопомъ, привезъ извѣстіе о смерти родителей и о похищеніи сестры Людмилы.

Эта новость поразила меня. Я объявилъ объ ней В. Князю, и онъ хо-

тѣлъ послать въ Касимовъ рать для усмиренія Касимовцевъ, которые умертвили родителей моихъ и всѣхъ холопей; но смерть не позволила ему выполнить намѣреніе.

Вошедши на Великокняжескій престолъ, Василій Іоанновичь занялся другими дѣлами, которыя требовали большаго вниманія, и бунтъ въ Касимовѣ былъ оставленъ безъ вниманія.

Начались веселости , празднество. Князь то пировалъ съ Боярами, то давалъ игрища народу, то потѣшался звѣриною охотою; онъ былъ еще молодъ.

Непримѣтно прошелъ годъ.

Бунтъ въ Касимовѣ не прекращался, и Великій Князь послалъ туда на Ханство сына Казанскаго Хана. Новый Ханъ усмирилъ возмущеніе и сталъ народъ занимать потѣшными играми.

Бунтовщикъ Исакъ возвратился тайно въ Касимовъ, подарилъ новаго властителя богатыми дарами, за что Ханъ удостоилъ его своею благосклонностію, и Исакъ по прежнему сталъ жить, какъ полновластный вельможа.

Одинъ Татарскій купецъ, которому мой покойный родитель благодѣтельствовалъ, пріѣхавши въ Москву по дѣламъ торговли, зашелъ ко мнѣ и между прочимъ сказалъ мнѣ, что однажды видѣлъ дѣвочку въ палатахъ Исака, весьма похожую на сестру мою.

Это извѣстіе родило во мнѣ мысль отправиться въ Касимовъ и какъ нибудь тайно поразспросить объ сестрѣ своей или объ дѣвочкѣ, похожей на нее. Я выпросилъ позволеніе у В. Князя и отправился. Проходитъ полгода, какъ я живу въ Касимовѣ, тайно подъ чужимъ именемъ. Братъ, который также

послѣдовалъ за мною, видѣлъ въ окно красавицу, похожую на сестру, и проѣзжая однажды мимо окна, пойманъ былъ стражею Исака и отведенъ въ его палаты; и съ той поры я ищу случая, какъ бы освободить моего брата и отыскать сестру. Часто въ одеждѣ Татарской хожу я подлѣ палатъ Исака, смотрю долго на завѣтное оконце; но оно уже не растворяется, не подымается узорчатая занавѣсъ и не выглядываетъ оттуда красавица, похожая на сестру мою. Безнадежность отыскать любезныхъ моему сердцу повергла меня въ странную болѣзнь. Долго, долго, внимательно смотрю я на одинъ какой нибудь предметъ и въ то же время не вижу его. Часто на сердце мое ложится такая тоска, что не знаешь, куда дѣваться; мечешься, какъ лишенный ума.

Нынче передъ вечеромъ пошелъ я разсѣяться на луговую сторону Оки, но пасмурная погода, завываніе вѣтра, все это навело на меня еще бо́льшую тоску, и я, не замѣчая времени, сидѣлъ на берегу Оки въ какомъ-то странномъ расположеніи духа, или лучше сказать въ совершенной безчувственности. Потомъ, пришедши въ себя, я увидѣлъ, что мракъ ночи уже наполнилъ землю. Не зная хорошо дороги, я шелъ цѣликомъ, на удачу и попалъ въ болото, изъ котораго освободили ѣхавшіе мимо меня. Освободители мои привезли меня сюда.

» Вотъ, мой разсказъ, онъ оконченъ!«

Такъ говорилъ Вечеславъ Бѣлосельскій.

— Спасибо, дѣтки, за доброе дѣло; онъ бы утонулъ въ болотѣ. Ну, добрый молодецъ, коли ты попалъ ко мнѣ

въ гости, такъ я тебя попотчую какъ друга и сослужу вѣрную службу. Дѣтки! велите готовить къ ужину; завтра рано намъ должно отправляться въ путь. Ступайте! — сказалъ Ѳомушка.

Товарищи, молча, поклонились и вышли.

Атаманъ нѣсколько времени смотрѣлъ пристально, внимательно на Бѣлосельскаго; потомъ спросилъ его значительно:

— Бояринъ! какъ звали твоего родителя?

»Юрій Константиновичь,« отвѣчалъ Бѣлосельскій.

— Не помнишь ли ты псарника Кондрата Хромова?

»Помню; онъ умеръ тогда, какъ былъ я восьми лѣтъ. Добрый былъ старикъ Но по чему ты это знаешь?«

Атаманъ, вмѣсто отвѣта, кинулся въ ноги къ Бѣлосельскому, и обнимая ихъ, воскликнулъ:

— Бояринъ мой, Вечеславъ Юрьевичь! Узнаешь ли ты своего коня удалаго, не знавшаго устали, какъ ты изволилъ называть, играя со мною въ лошади? Помнишь ли, Бояринъ, Ѳомку, сына Кондрата Хромова, который убѣжалъ, устрашившись наказанія за покражу двухъ гривенъ у батюшки твоего и лучшаго коня? Узнаешь ли ты меня?

Вечеславъ сказалъ съ удивленіемъ:

» Много прошло времени. Ты былъ тогда лѣтъ шестнадцати и не такой безобразный, какъ теперь! Если бы ты не сказался, я бы никакъ тебя не узналъ. Вотъ, какъ время и обстоятельства перемѣняютъ человѣка! «

— Да, бояринъ, много, много воды утекло со времени моей молодости, съ тѣхъ поръ, какъ я бѣжалъ изъ дому родительскаго; много лежитъ грѣховъ на душѣ моей; но, кажется, пришла пора перемѣниться. Сослужу тебѣ службу, отыщу брата и, коли жива, сестру, и пойду въ монастырь каяться во грѣхахъ своихъ. Лѣта мои уже не молодыя; хотя и много у меня богатства, но что мнѣ въ немъ; съ кѣмъ раздѣлить его; и можетъ ли оно веселить старика, тѣмъ болѣе, что напоминаетъ ужасныя злодѣйства? Раздамъ его по церквамъ или неимущимъ, и такимъ образомъ хотя нѣсколько уменьшу грѣховъ своихъ.—Такъ говорилъ Ѳомушка, и на глазахъ его заискрелись слезы.

» Благодарю Господа, что Онъ доставилъ мнѣ случай видѣть раскаяніе

преступника! Молись Богу; Онъ милосердъ, проститъ грѣхи твои. Доброе намѣреніе должно исполнить,« сказалъ Бѣлосельскій.

— Я поклялся и исполню мою клятву, если то угодно Господу!—сказалъ Ѳомушка.

»Богъ всегда желаетъ обращенія грѣшника на путь истины спасенія,« сказалъ Бѣлосельскій.

Въ это время вошелъ одинъ изъ разбойниковъ и сказалъ, что ужинать собрано и кушанье на столѣ.

Ѳомушка и Вечеславъ пошли въ другую комнату, въ который накрытъ былъ огромный столъ пестрою узорчатою скатертью и установленъ дорогими приборами: серебряными тарелками, кубками , солоницами. Товарищи

дожидались прихода Атамана своего; и когда онъ сѣлъ вмѣстѣ съ Вечеславомъ за столъ, то они также заняли свои мѣста. Всѣхъ товарищей ужинало сорокъ, кромѣ тѣхъ, которые сторожили ворота и ходили кругомъ стѣнъ.

Долго продолжался сытный ужинъ; разбойники пили и ѣли по молодецки, разговаривали весело, шутили и были довольны своею судьбою.

Когда окончился ужинъ, Ѳомушка пожелалъ покойнаго сна товарищамъ и пошелъ съ Вечеславомъ въ свою комнату.

— Я хочу тебѣ, бояринъ, разсказать приключенія мои, которыя случились со мною съ того времени, какъ я бѣжалъ изъ родительскаго дома. Можешь ли ты слушать меня? сонъ еще тебя не клонитъ?

»Нѣтъ; разсказывай; я давно страдаю безсонницею.«

— Слушай, я начинаю.

*

ГЛАВА IV.

Полуночный разсказъ.

═

Ты знаешь, бояринъ, что̀ заставило меня бѣжать отъ крова родительскаго, и потому я не стану говорить о томъ. Рѣшившись на побѣгъ, я не позаботился о томъ, какъ бы достать

денегъ и обезпечить свое содержаніе. Случай доставилъ мнѣ въ руки коня нашего сосѣда Марко Богатаго, котораго я продалъ за полгривны. Съ этими деньгами я отправился въ путь-дорогу, въ Рязанскую сторону.

Не доходя до Рязани верстъ десяти, я встрѣтилъ шестерыхъ прохожихъ, вооруженныхъ дубинами и длинными ножами. Одѣты они были одинаково: въ нагольные тулупы, опоясанные красными кушаками. Поровнявшись съ ними, я поклонился низко и сказалъ:—Богъ въ помощь вамъ, добрые люди. — » Спасибо братъ, за ласковое слово; куда идешь, молодецъ? не будешь ли нашимъ попутчикомъ? « спросилъ меня одинъ изъ шестерыхъ.

— Я иду въ Рязань, или, сказать правду, самъ не вѣдаю куда,—отвѣчалъ я.

»Какъ такъ, молодецъ?«

— Такъ; я убѣжалъ отъ петли!

»Такъ ты, братъ, нашего приходу. Будь нашимъ товарищемъ. Мы живемъ весело. не трудимся, не работаемъ, а всего много: и злата, и серебра, и самоцвѣтныхъ каменьевъ. Правда, иногда за это и приходится расплачиваться жизнію, но впрочемъ это случается рѣдко. Будь же, молодецъ, нашимъ. Такъ говорилъ одинъ изъ товарищей.

Я молча подалъ ему руку, и онъ пожалъ мнѣ ее дружески.

»Какъ зовутъ тебя, товарищь?« спросиль меня тотъ же.

— Ѳомкой, — отвѣчалъ я.

»Ну, Ѳомушка, служи намъ вѣрно, и мы дадимъ тебѣ какое нибудь прозваніе; такъ я на примѣръ называюсь Кирьякъ Надежный; другіе товарищи: Ѳедоръ Жигало, Ванюха Пыпай, Гав-

рила Ражій, Димитрій Угаръ и другіе; всякому изъ насъ есть свое названіе.«

Такъ говорилъ разбойникъ, указывая на своихъ товарищей.

Между тѣмъ мы шли лѣсомъ и уклонялись во глубину его. Такъ прошло нѣсколько времени. День вечерѣлъ; все успокоивалось.

— Куда вы меня, товарищи, ведете?—спросилъ я моихъ новыхъ знакомцевъ.

»Къ нашему Атаману Иванкѣ Жигалкѣ. Онъ такой добрый; приметъ тебя съ радостію,« сказалъ одинъ изъ товарищей Кирьякъ Надежный.

Черезъ нѣсколько времени (можетъ быть прошелъ и часъ, уже стемнѣло) привели меня разбойники до своего припону.

Я былъ представленъ Атаману.

»Служи мнѣ вѣрой и правдой, и не станешь тужить!« сказалъ онъ.

Я поклонился ему въ ноги.

Такъ я вступилъ въ сословіе разбойниковъ. Скажу откровенно: эта жизнь, жизнь буйная, развратная, ужасная, сначала пугала меня; но потомъ, когда я уже привыкъ къ неистовствамъ, которыя совершались передъ моими глазами, я сдѣлался равнодушнымъ; торжествовалъ вмѣстѣ съ товарищами тризну надъ убитыми собратіями, и разслабленный отъ вина, забывалъ въ шумномъ развратѣ себя и все существующее.

Съ какимъ бывало неистовствомъ кидался я на противниковъ, на людей, проходившихъ и проѣзжавшихъ по Рязанской дорогѣ. Никому не было отъ меня пощады. Кто живой въ руки не

давался, тотъ погибалъ на мѣстѣ. Такъ, бояринъ, много лежитъ грѣховъ смертныхъ на душѣ моей; не знаю, проститъ ли меня Творецъ! Страшно подумать! грѣшно вспомнить!

Однажды Атаманъ приказалъ намъ готовиться въ путь-дорогу, на ярмарку въ Касимовъ.

Въ нѣсколькихъ лодкахъ, одѣтые въ богатые купеческіе кафтаны, поплыли мы въ низъ по матушкѣ по Окѣ и приплыли къ самому Касимову.

Вышедши на берегъ, мы разошлись въ разныя стороны и начали присматривать добычи; дѣло шло успѣшно; мы каждый день наполняли ладьи наши. Такъ шло въ продолженіи двухъ недѣль, во все продолженіе ярмарки.

Въ послѣдній день, когда мы уже собирались возвратиться домой и пиро-

вали въ одномъ веселомъ мѣстѣ, насъ какъ подозрительныхъ людей схватили и представили къ Начальству въ Судъ.

Дѣло стало плохо!

Насъ добрыхъ молодцевъ засадили въ стѣнную на хлѣбъ и на воду.

Признаться, сидя въ этой комнаткѣ, я не одинъ разъ проклиналъ судьбу свою, которая привела меня, можетъ быть, подъ петлю. Это было въ первый разъ.

По счастію, Атаманъ нашъ Ванька Жигалка скрылся. Мы питали надежду на него, знали его предпріимчивость. Въ самомъ дѣлѣ, наша надежда исполнилась.

Въ одинъ день онъ, съ своими оставшимися товарищами, поджегъ во многихъ мѣстахъ Касимовъ и нашъ острогъ.

Въ то время, когда начальство было отвлечено на позорище, Атаманъ

проломалъ стѣну въ острогѣ и такимъ образомъ освободилъ насъ.

Мы тотчасъ поспѣшили въ свой лѣсъ и совершенно скрылись отъ поисковъ начальниковъ.

Три года Ванька Жигалка разбойничалъ; но напослѣдокъ Богъ положилъ предѣлъ его неистовству: въ пьянствѣ онъ самъ себя умертвилъ.

Я хотя и былъ двадцати пяти лѣтъ, но по всеобщему желанію выбранъ былъ въ Атаманы за мою храбрость, отважность и предпріимчивость.

Первымъ дѣломъ моимъ было: укрѣпить наше мѣсто, чтобы, въ случаѣ необходимости, противустать Правительству.

Я построилъ стѣны, башни, обрылъ глубоками рвами и сталъ жить, какъ владѣтельный Князь. Часто Касимовъ

трепещалъ меня, часто гибли войска, присылаемыя Правительствомъ, подлѣ стѣнъ моихъ и въ рвахъ.

Такъ шло время въ продолженіи тридцати лѣтъ; и имя Ѳомушки Сокола было извѣстно и въ Москвѣ бѣлокаменной.

*

ГЛАВА V.

Судебная Палата. Судья. Подсудимый. Приговоръ.

═

Лишь только Ѳомушка окончилъ разсказъ свой, какъ вошелъ одинъ изъ товарищей и сказалъ, что измѣнникъ Сережка Ворона пойманъ.

Глаза Атамана засверкали яростно,

губы мгновенно посинѣли, и онъ трепещущимъ голосомъ сказалъ:

» Посадить его на цѣпь, или рѣшу дѣло разомъ. Собраться всѣмъ въ судебной комнатѣ и привести его.«

Разбойникъ ушелъ.

Скоро раздался колоколъ, который означалъ тревогу.

» Пойдемъ, Вечеславъ Юрьевичь, со мною въ Судейскую Палату; только ради Бога не вступайся въ дѣло; иначе ты погубишь себя! «

Вечеславъ обѣщался и пошелъ за Атаманомъ.

Судебною Палатою называлась огромная комната, обложенная дикимъ камнемъ и кирпичемъ. Подлѣ стѣны стояло сѣдалище, украшенное рѣзьбою и позолотой; оно было на возвышенiи; шесть ступеней, обитыхъ голубымъ бархатомъ, вели къ нему.

Отъ него, подлѣ стѣнъ стояли скамьи, обитыя голубымъ сукномъ; посрединѣ комнаты стоялъ столъ изъ дуба, красиво сдѣланный. На немъ лежалъ длинный ножъ въ черномъ бархатномъ футлярѣ.

Палата начала наполняться разбойниками. Измѣнника, окованнаго цѣпями, привели и постановили передъ возвышеннымъ сѣдалищемъ.

Онъ былъ высокаго роста; черные волосы, не знавшіеся никогда съ гребнемъ, были всклокочены, какъ у гіенны на спинѣ щетины въ то время, когда она примѣчаетъ добычу. Глаза, налитые кровью, грозно, дико смотрѣли на окружающихъ. Лице, распухнувшее отъ пьянства и неистовства, не похоже было на человѣческое. Исполинская ширина плечей показывала силу его, а

угрюмый видъ могъ бы испугать и самаго отважнаго мужчину.

Когда Атаманъ вмѣстѣ въ Вечеславомъ вошелъ въ Судебную Палату, тогда разбойники поспѣшно заняли свои мѣста и умолкли.

Вечеславъ сѣлъ на скамью, а Атаманъ на свое мѣсто. Одинъ изъ разбойниковъ, сидѣвшій подлѣ него, взялъ со стола ножъ, и приближавшись къ Атаману, упалъ на колѣни и подалъ ему.

Атаманъ обнажилъ его, и лезвее его, въ коемъ, какъ въ зеркалѣ, отражались свѣчи, на подобіе молніи пересѣкло воздухъ и какъ бы заставляло содрогаться.

»Отвѣчай измѣнникъ Сережка Ворона!« Такъ сказалъ Ѳомушка повелительнымъ голосомъ и помахивая ножемъ.

— Ты не Судья мнѣ, и потому не стану отвѣчать тебѣ,—сказалъ Ворона.

»Увидимъ! Гей, товарищи, Андрюшка Лихой, Ванька Жигалка! катай его!«

Приказаніе Атамана было тотчасъ исполнено. Двое изъ товарищей кинулись къ преступнику и начали бить его дубовыми прутьями, лежавшими въ углу Палаты.

Непріятная экзекуція продолжалась долго; разбойникъ, избитый и измученный, повалился на полъ и застоналъ дико.

»Отвѣчай мнѣ, что тебя понудило измѣнить намъ и подвести войско Воеводы къ нашему притону?« спрашивалъ Атаманъ.

— Не буду отвѣчать тебѣ!—крик-

нулъ преступникъ, и продолжалъ стонать.

»Товарищи! что по вашему мнѣнію слѣдуетъ за то, если кто измѣнитъ клятвѣ? «

— »Смерть измѣнщику! « — воскликнули въ одинъ голосъ товарищи.

— »Такъ поступлено было съ Тарасомъ Подковой, Яшкой Гуляемъ,—« сказалъ Ванюха Пытай, разбойникъ небольшаго роста, рыжеволосый и съ плутоватыми глазами.

»Если такъ, то исполните, какъ слѣдуетъ! Гаврила Ражій! возьми ножъ мой и исполни! « сказалъ Ѳомка. И тотъ разбойникъ, который подалъ ножъ, теперь принялъ его, и подошедши къ преступнику, сказалъ громогласно:

— »По приказанію славнаго Атамана

Касимовскихъ разбойниковъ Ѳомы Сокола, я, товарищь его Гаврюшка Ражій, приступаю къ смертной казни Сережки Вороны, измѣнника, клятвопреступника и злодѣя своимъ товарищамъ. Глядите всѣ присутствующіе, и знайте, преступленіе наказывается строго! «

И съ этимъ словомъ длинный ножъ прошибъ грудь преступника, и онъ вскрикнувши, разинулъ ротъ, страшно повелъ глазами и прошепталъ едва примѣтнымъ голосомъ: Ужасно умирать грѣшнику!

Эти слова дошли до слуха Ѳомки, онъ поблѣднѣлъ и примѣтно содрогнулся.

Вечеславъ, до этихъ поръ сидѣвшій въ молчаніи, всталъ съ мѣста, мгновенно приближился къ Атаману и сказалъ ему, какъ укорительно:

— Припомни, что̀ ты обѣщался исполнить, когда мы съ тобою говорили о прошедшемъ? Новое злодѣйство прибавилъ къ прежнимъ! Повѣрь, что каждая капля крови вопіетъ на небо о мщеніи!

» Я долженъ былъ исполнить необходимое, « сказалъ Атаманъ.

После словъ Вечеслава въ Палатѣ раздался дикій хохотъ неистовыхъ разбойниковъ.

Вечеславъ съ ужасомъ смотрѣлъ на это зрѣлище; съ отвращеніемъ на лица своихъ товарищей, къ коимъ необходимость привела его; съ злобною и язвительною укоризною глядѣлъ на Атамана, который не давно хотѣлъ оставить злодѣйства и постричься въ монахи.

» Товарищи! Нынѣшнее утро мы должны будемъ отправиться въ путь на добычу; куда, вы узнаете послѣ! « ска-

залъ Атаманъ и пошелъ изъ Палаты. Вечеславъ съ нимъ.

Пришедши въ свою спальню, Ѳомка сказалъ Бѣлосельскому: »Вечеславъ Юрьевичь! Не сердись на меня за то, что я казнилъ преступника; того требовали обстоятельства.... Завтра утромъ отправимся въ Касимовъ выручать брата и сестру твою.«

*

ГЛАВА VI.

Чертоги Князя Исака. Комната красавицы. Кто она. Мечты девицы.

=

На высокомъ берегу Оки, почти во всю длину города простирались великолѣпные чертоги престарѣлаго Князя Исака. Наружный видъ былъ подобенъ величественному за́мку Нѣмецкихъ Ба-

роновъ; высокая зубчатая каменная стѣна образовала правильный осми-угольникъ; каждый уголъ оканчивался высокою башнею съ остроконечнымъ шпилемъ; на самомъ верху, почти подъ шпилемъ, были оконцы, огражденныя желѣзными рѣшетками. Съ большой Касимовской улицы гордо красовались чугунные вороты, которые вели во внутренность за̀мка. Подлѣ нихъ стояли всегда часовые, вооруженные, какъ бы на бой съ непріятелемъ. Когда владѣлецъ былъ дома, ворота были отворены; въ другомъ случаѣ заперты.

На срединѣ зданія возвышался кумполъ, окрашенный зеленоватою краскою. На вершинѣ его былъ золотой шаръ и луна; по чему можно догадаться, что тутъ была моленная владѣльца.

Кругомъ стѣны были прорыты глубокіе овраги, которые наполнялись въ

случаѣ необходимости водою изъ Оки.

Кромѣ большихъ, воротъ не было; и потому, что дѣлалось въ чертогахъ Князя Исака, то было всѣмъ тайной. Однакожъ носились слухи въ народѣ, весьма невыгодные для Исака. Говорили, что онъ большой сластолюбецъ, безстыдный губитель невинности, злодѣй немилосердый; рѣшительно такой человѣкъ, котораго всѣ опасались и старались убѣгать.

Перенесемтесь мысленно въ его внутреннiе чертоги, осмотримъ все подробно и станемъ продолжать нашу повѣсть.

Все, что только Азiатская роскошь могла представить поклонникамъ Магомета въ наслажденiе; все, что могло представить утонченное сластолюбiе; все то представлялось глазамъ каждаго и поражало ихъ.

Въ одной изъ прекрасныхъ комнатъ, на бархатномъ диванѣ, украшенномъ золотымъ позументомъ и кистями, подъ сѣнію пахучихъ деревьевъ, лежала, раскинувшись, прелестная дѣвушка и казалась спящею.

Она была одѣта въ богатый сарафанъ, шитый золотомъ; на головѣ и по плечамъ падалъ въ широкихъ складкахъ изъ Азіатской ткани *шлафоръ*. Красавица казалась средняго росту, полная собою, какъ наливное береже-ное яблоко. Лице правильное, бѣлое, полное жизни, оживленное яркимъ, нѣжнымъ румянцемъ. Волосы черные, шелковистые вились въ безчисленныя кольцы и небрежно падали на грудь ея. Когда растворялся малиновый ротикъ, то обнаруживался рядъ перловыхъ зубовъ.... Но какъ описать ту невыразимую прелесть ея лица, ко-

торая заставляла забываться всякаго, кто только ни смотрѣлъ на красавицу; какъ изобразить пылкіе, коралловые глазки, обращавшіеся на всѣ предметы съ сладостнымъ вожделѣніемъ и томленіемъ!' Нѣтъ! мое перо еще не привыкло описывать такія прелести, и потому я не смѣю описывать ея красоту, чтобы не исказить ее; но предоставляю вамъ Чит. создать въ воображеніи красавицу, сходную съ портретомъ, мною описаннымъ.

Я повторяю: она лежала на бархатномъ диванѣ; головка ея покоилась на бархатной подушкѣ, обложенной золотыми голунами и кистями по угламъ. Рука бѣлоснѣжная была закинута за головку и держала золотую цѣпочку, къ которой привѣшенъ былъ большой золотой крестъ и сердечко.

На щечкѣ остановилась жемчужная

слезка и постепенно засыхала; лице красавицы изображало тайную сердечную тоску. Въ такомъ состояніи она была восхитительна; и какой бы равнодушный флегматикъ могъ сказать: она хороша!... Нѣтъ! онъ былъ бы хладнокровное животное съ рыбьимъ сердцемъ; онъ достоинъ былъ бы презрѣнія и не смѣлъ бы назваться человѣкомъ.

Такова-то была 17-ти лѣтняя Лелія, воспитанница престарѣлаго Князя Исака.

Это имя дано ей было Исакомъ; по Русски называлась Людмилой.

Людмила была дочь Боярина Московскаго Юрія Константиновича Бѣлосельскаго.

Припомните расказъ Вечеслава Атаману Ѳомушкѣ и вы узнаете, кто

былъ отецъ ея и по какому случаю она попала въ чертоги Князя Исака.

Князь Исакъ лелеялъ красавицу, какъ садовникъ лучшую свою яблоньку, для своего сераля, для того, чтобы, по достиженіи цвѣтущихъ лѣтъ, она могла заступить мѣсто первой наложницы.

Онъ любилъ ее страстно и нѣсколько разъ въ день прихаживалъ къ ней, сидѣлъ съ нею и любовался ея прелестями. Иногда онъ дерзалъ святотатственными руками коснуться до ея ручьки; но дѣва содрогалась и молила его, чтобы онъ удалился.

Такъ Исакъ каждый разъ приходилъ къ красавицѣ съ тайнымъ, преступнымъ желаніемъ и всегда удалялся безъ успѣха. Ангелъ невинности хранилъ невидимо дѣву!

Она, запертая въ пышныхъ комнатахъ, была подобна птичкѣ, заключенной въ драгоцѣнной клѣткѣ. Сидѣла въ нихъ подлѣ оконца и смотрѣла на широкое раздольное поле, которое на нѣсколько верстъ открывалось передъ ея глазами.

Такъ проводила дни она съ самаго младенчества въ грустномъ заточеніи. Иногда приходили къ ней бесѣдовать прекрасныя наложницы Исака и раздѣляли съ ней тоску.

Она, какъ неясный сонъ, припоминала о лѣтахъ младенчества, проведенныхъ въ родительскомъ домѣ; припоминала Москву, свою свѣтлицу, няню расказчицу, тѣнистый садъ. Объ этихъ предметахъ часто любила мечтать, и мечты эти услаждали ее, убаюкивали сердце сладостнымъ чувст-

вомъ. Въ нихъ она забывала горесть, тоску и скуку одиночества.

Такъ проходило ея младенчество.

Съ наступленіемъ юности, она начала задумываться и мечтать о чемъ-то непонятномъ; какое-то тайное желаніе по временамъ закрадывалось въ ея дѣвственную грудь и воспламеняло щечки яркимъ румянцемъ. Она не могла сама себѣ дать отчета: чего ей хочется? чего не достаетъ? отъ чего томится сердце?

И въ такомъ раздумьи садилась она подлѣ своего завѣтнаго оконца, подымала бѣлую занавѣску и смотрѣла внимательно на зарѣчье, на поле, испещренное цвѣтами, на отдаленныя деревеньки, рощи, на изгибы широкой, сердитой Оки, которая, казалось, хотѣла подмыть стѣны чертоговъ Исака.

Часто глаза ея останавливались на позлащенныхъ крестахъ церквей Русскихъ; въ то время грудь ея тѣснили вздохи; глаза наполнялись слезами.

Она помнила, что нѣкогда ходила во святые храмы, молилась передъ олтаремъ Тріединаго; помнила, какъ мать ее учила креститься и уже не могла никакъ привыкнуть забыть о Христѣ, какъ заставлялъ ее Князь Исакъ; не смѣла призывать въ помощь Магомета, котораго имя прославляли окружающія наложницы и служительницы, въ особенности самъ Исакъ.

Она не могла разрѣшить, отъ чего она чувствовала радость, когда призывала въ помощь Христа Спасителя, Богородицу и Ангела Хранителя, и напротивъ содрогалась и трепетала, когда вспоминала о Магометѣ.

Людмила съ благоговѣйнымъ чувст-

вомъ взирала на Божій храмъ, не далеко стоявшій отъ Оки въ тѣнистой рощѣ. Съ радостію внимала звону колокола, когда онъ призывалъ православныхъ на служеніе въ церковь, и съ отвращеніемъ слушала взыванія слѣпаго Моедзина, сзывавшаго однообразнымъ: *Алла-га!* Магометанъ на молитву.

Истинная Божественная религія, посѣянная въ младенчествѣ въ ея сердце, непримѣтно, тайно управляла ея волею, чувствомъ и разумомъ.

✻

ГЛАВА VII.

Всадникъ. Любопытство Леліи. Разсказъ подруги. Первый взглядъ. Задумчивость Леліи. Что то будетъ.

═

Однажды Лелія, когда по обыкновенію сидѣла подлѣ оконца своего, увидѣла какого-то всадника въ доспѣхахъ Великокняжескихъ, проѣзжавшаго полевою дорогой. Прекрасный вороной

конь, сынъ степей Африканскихъ, казалось, гордился своею ношею; шелъ величественно, жеманисто и, рисуя красивые круги, показывалъ легкость и стройность ногъ.

Всадникъ былъ одѣтъ въ чешуйчетую броню; на немъ былъ атласный коротенькій полуказакинъ, обложенный золотымъ позументомъ; черезъ плечо висѣлъ мечь на позолоченной цѣпи; голова украшалась серебристымъ шишакомъ съ бѣлыми и пунцовыми строусовыми перьями. Золотая сѣтка закрывала лице всадника; лишь кудрявые шелковистые волосы падали изъ-подъ нее на широкіе и могучіе плеча его.

Всадникъ казался высокаго роста и статенъ собою.

Лелія, увидѣвши его, покраснѣла; какое-то чувство, знакомое давно душѣ ея, заставило ее затрепетать. Она

съ наслажденіемъ смотрѣла на всадника, то улыбалась, какъ ребенокъ, то вздыхала, какъ онъ напоминалъ собою потерянное блаженство.

Лелія въ то время сидѣла съ подругою, наложницею Князя Исака, и которая нѣкогда была Русскою.

» Скажи, Заира, кто это ѣдетъ по Окской долинѣ, « спросила Лелія.

— Это всадникъ Московскаго В. Князя, вѣроятно посланный съ какими нибудь вѣстьми къ нашему Хану.

» Какъ онъ прекрасно одѣтъ, « сказала Лелія.

— Да, по его наряду можно узнать, что онъ служитъ при дворѣ В. Князя. Когда я жила въ Москвѣ, видала великолѣпную Великокняжескую прислугу. Кто такъ одѣтъ, тотъ называется Рындою. Рынды молодыя Боярскія

дѣти, извѣстныя красотою и добротою сердечною. Они, такъ сказать, составляютъ прелесть двора и служатъ потѣхою В. Князю.

Такъ говорила подруга Леліи, Заира.

Междъ тѣмъ всадникъ приближался къ берегу Оки, къ тому мѣсту, гдѣ ходилъ плотъ или паромъ. Соскочивъ съ коня своего, онъ бережно, окорошивъ удѣла, держалъ его въ продолженіи переѣзда черезъ рѣку.

Лучи солнца отражались на чешуѣ его на груди, шишакѣ, мечѣ, на одеждѣ и сбруѣ коня его, и казалось, отразившись отъ всадника, падали на сердце прелестной Леліи.

Она вся превратилась въ зрѣніе. Ко-ралловыя очи, блестящія яркимъ лучемъ денницы, приковались къ переѣзжающему всаднику. Лице ея покрыва-

лось пурпуромъ; пышная грудь колебалась не ровно и выражала состояніе ея чувствъ. Маленькій розовый ротикъ выказывалъ ряды зубовъ и какую-то тайную, страстную улыбку.

Между тѣмъ всадникъ переправился черезъ рѣку, сѣлъ опять на коня своего и медленно поѣхалъ къ стѣнамъ чертоговъ Князя Исака; и вѣроятно привлеченный его наружностію, онъ началъ его осматривать.

Лилія, замѣтивши это, растворила свое оконце, громко застучавши рамою для того, чтобы привлечь вниманіе всадника. Онъ въ самомъ дѣлѣ поднялъ голову и мгновенно остановилъ коня своего, какъ бы пораженный встрѣчею съ красавицею. Онъ снялъ шишакъ свой и пробылъ нѣсколько времени неподвижно.

Лилія внимательно смотрѣла на юно-

шу — красавца, а всадникъ любовался, восхищался дѣвою красавицею. Лелія, казалось, видѣла въ немъ давно знакомый призракъ, который прилеталъ къ ней въ минуты ночнаго успокоенія.

Всадникъ, можетъ быть, также встрѣтилъ въ лицѣ прелестный образъ того идеала, который онъ возсоздавалъ себѣ въ мечтахъ. И потому они долго, долго смотрѣли другъ на друга и любовались.

Наконецъ всадникъ надѣлъ шишакъ, и поклонившись низко красавицѣ, тихо поѣхалъ подлѣ стѣны. Лелія, увлеченная тайнымъ стремленіемъ, также поклонилась всаднику и смотрѣла до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду.

Лелія закрыла оконце, сѣла на диванъ и начала мечтать, разумѣется, о

незнакомцѣ. Ея подруга, казалось, проникла въ думу ея, и сказала, улыбаясь:

» Ахъ, Лелія! если бы ты могла перенестись, съ помощію какого нибудь волшебника, въ чертоги Великаго Князя Московскаго, сколько бы ты увидала прекрасныхъ юношей! «

— Быть можетъ. Но прекраснѣе этаго, я думаю, нѣтъ на свѣтѣ. Если бы ты мнѣ не сказала кто онъ, я бы приняла его за жителя неба; его лице, его одежда такъ обворожили меня, что въ продолженіи того времени, какъ онъ стоялъ и смотрѣлъ на меня, я забыла совершенно все на свѣтѣ. Его черты лица врѣзались неизгладимыми чертами въ моемъ сердцѣ!

» Но какая отъ того будетъ польза? Онъ на свободѣ, ты въ неволѣ; онъ видитъ безпрестанно красавицъ, и, мо-

жетъ быть, какая нибудь уже занимаетъ его сердце.

— Я, Заира, не понимаю, что ты говоришь. Пускай я этаго всадника никогда не увижу, онъ всегда будетъ храниться въ воображеніи, и я его стану любить мысленно, сердечно, какъ любила моихъ родителей, братьевъ, подругъ! — сказала Лелія.

»Но, повторяю опять, что ты только станешь мучить себя и болѣе ничего. Не лучше ли полюбить тебѣ нашего К. Исака, который тебя обожаетъ и хочетъ назвать супругою?« продолжала Заира.

— Ты его теперь супруга. Я не-ужели замѣню твое мѣсто, оскорбивши тебя, мою подругу. Ты теперь повелительница его рабовъ, а тогда будешь простою невольницей. Нѣтъ, Заира, я не рѣшусь отдаться во власть

благодѣтелю моему, хотя бы мнѣ угрожала смерть. Будь ты его супругою всегда; люби его, если можешь, и наслаждайся счастіемъ; а я буду мечтать о моемъ всадникѣ; и эти мысли будутъ для меня также пріятны, какъ и мечты о Москвѣ, родинѣ, отеческомъ кровѣ, родителяхъ и объ лѣтахъ младенческихъ, счастливыхъ!...

Сказавши это, она вышла въ другую комнату, а Заира, какъ бы опомнившись, сказала:

» Правда; если она будетъ наложницей Исаковой, я буду рабою, жалкою невольницею. Но этаго не должно быть. «

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БРАТЪ ВЕЧЕСЛАВЪ,

или

ПОДЗЕМЕЛЬЕ БЛИЗЪ КАСИМОВА.

ПОВѢСТЬ XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧ.

А. А. Павлова.

Часть Вторая.

МОСКВА.

Въ типографіи Н. Степанова.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Іюня 17 дня 1836 года.

Ценсоръ *Д. Перевощиковъ*.

БРАТЪ ВЕЧЕСЛАВЪ.

ГЛАВА I.

Задумчивость Лелии. Заира. Опять онъ. Разговоръ незнакомыхъ. Обѣщание всадника.

═

Прошло три дня.

Лелія не отходила отъ завѣтнаго оконца, сидѣла задумчиво и какъ бы кого дожидалась.

Подруги часто приходили къ ней и

*

старались разсказами развлечь свою любезную подругу.

Но напрасны были ихъ старанія: Лелія не внимала и смотрѣла на чистое поле.

— Скажи мнѣ, милая Лелюшка, о чемъ ты думаешь? спросила ее подруга ея Заира.

— Не знаю сама; можетъ быть я мечтаю напрасно. Уже три дня прошло, а онъ не проѣзжалъ!—отвѣчала Лелія.

» Кто онъ? « спросила Заира, коварно улыбаясь.

— Тотъ всадникъ, что проѣзжалъ намедни,—отвѣчала Лелія.

» Полно, голубинька, думать о немъ. Что въ томъ будетъ прибыли? Ты о немъ думаешь, крушишься; а онъ, можетъ быть, и позабылъ о тебѣ! « говорила Заира.

— Нѣтъ, Зоринька, не можетъ быть этаго: онъ такъ ласково, привѣтливо смотрѣлъ на меня; такъ нѣжно улыбнулся! О, Зоринька! что можетъ сравниться съ его улыбкою? Она влила въ меня отраду невыразимую! Эта отрада убаюкиваетъ меня въ сладкій сонъ, какъ добрая няня своими занимательными разсказами. Я никогда не была такъ счастлива, какъ теперь, увидѣвши милаго юношу! — говорила Лелія.

» Берегись, чтобы это счастіе не навлекло бѣды, напасти!..... Если увидитъ нашъ Князь проѣзжающаго всадника мимо зàмка, то его поймаютъ, и тогда плоха будетъ расплата! Ты вѣдь знаешь Исака!« говорила Заира.

— Я за *него* стану молиться Богу, и Онъ *его* помилуетъ и сохранитъ! го-

ворила Лелія взглянувъ набожно на небо; потомъ опять опустила глазки свои на поле—и кто представился передъ ея глазами? отъ чего она вспыхнула?

Всадникъ выѣзжалъ изъ рощи на лугъ. Лелія поспѣшно растворила оконце и подняла бѣлый платокъ. Всадникъ, примѣтивши это, мгновенно подскакалъ къ берегу Оки, скоро переправился на паромѣ и медленно приближался къ зàмку.

Когда онъ былъ такъ близко, что могъ разглядѣть черты лица Леліи, то снялъ шишакъ и поклонился ей. Она ему также.

И послѣ того они стали другъ на друга смотрѣть и любоваться. Такъ прошло нѣсколько времени. Лелія, казалось, вся погрузилась въ зрѣніе: ея глаза хотѣли впечатлѣть въ себѣ образъ

юноши. Она постепенно забывалась, и вдругъ неожиданно легкій вѣтеръ свѣялъ съ груди ея тонкій покровъ и понесъ по воздуху, какъ чистое легкое облачко.

Всадникъ взглянулъ быстро на дѣвственную грудь красавицы и увидѣлъ пышныя, обнаженныя плечи красавицы, увидѣлъ еще что-то чудное, колебавшееся, и въ восторгѣ схватилъ летавшій покровъ и началъ его цѣловать.

Красавица улыбнулась и отошла отъ оконца; но вскорѣ опять подошла, уже съ покрытыми плечиками.

» Какъ зовутъ тебя, красавица? « спросилъ всадникъ.

— Леліей.

» Ты не Русская? «

— Русская. Теперь же невольница Князя Исака.

» Невольница Князя Исака? Великій Боже! какая ужасная вѣсть. Она невольница и, быть можетъ, уже наложница!.. Ты, красавица, Русская? Какъ же твое имя?«

— Людмила.

» Какое прекрасное имячко! Людмилой звали сестру мою; но я бы желалъ отъ души, чтобы эта красавица была мнѣ не сестрою, а подругой. Какъ ты досталась Исаку, красавица?«

— Долго разсказывать объ моемъ несчастіи. Если бы ты могъ освободить меня, я бы разсказала о немъ. Незнакомецъ, берегись часто приближаться къ нашему зàмку: сторожа увидятъ и поймаютъ тебя; тогда ты можешь погибнуть! говорила Лелія.

» За тебя, прекрасная Лелія, я готовъ на все рѣшиться. Съ того вре-

мени, какъ я увидѣлъ тебя, я полюбилъ тебя такъ, что не могу ни минуты о тебѣ не думать! « говорилъ всадникъ.

— И я, незнакомецъ мой, полюбила какъ брата, или какъ подругу любезную. А какъ зовутъ тебя, всадникъ?

» Өедоромъ. Красавица, молись усерднѣе Богу; а я за твое счастіе отслужу молебенъ вонъ въ той церкви и поставлю свѣчку Богородицѣ. « При послѣднихъ словахъ онъ показалъ рукою на деревенскую церковь, находившуюся въ рощи, и на которую Лелія часто съ благоговѣніемъ взирала, особливо въ то время, когда вечерній звонъ оглушалъ окрестность и сзывалъ православныхъ на богомолье.

— Помолись и ты за несчастную Людмилу Христу Спасителю, чтобы

простилъ Онъ грѣхи мои и подкрѣпилъ бы въ напасти. Давно я не видала Святыхъ образовъ! давно не взирала на лики Спасителя и Богородицы! Нечестивый Исакъ хочетъ обратить меня въ Магометанскую вѣру и принуждаетъ выдти за него замужъ; но я рѣшительно ему отказала и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и лучше непорочность свою и душу, освященную Христовой Вѣрой, унесу въ могилу!

» Надѣйся, Людмила, на помощь Божію. Онъ поможетъ мнѣ. Я тебя освобожу изъ неволи. Но, другъ мой, намъ теперь должно растаться—завтра я пріѣду сюда!—Прости, Людмила! «

— Прости, Ѳеодоръ! Пріѣзжай завтра, я тебя буду ждать съ нетерпѣніемъ.

Всадникъ поклонился ей, она ему также; и такъ онъ отправился опять къ берегу Оки.

❋

ГЛАВА II.

Чертоги Исака. Спальня его. Невольникъ. Заира. Пробужденіе. Клевета. Злодѣйство. Хитрость Заиры. Слабость Исака. Размолвка. Торжество Заиры.

═

Послѣ того, какъ Лелія распростилась съ всадникомъ, подруга ея, Заира, вышла изъ комнаты.

Чтобы продолжить повѣсть, намъ должно послѣдовать за нею.

Заира спустилась по крутой лѣстницѣ внизъ въ довольно обширную комнату, отлично убранную. По полу разостланы были богатые узорчатые ковры. Подлѣ стѣнъ находились изъ разноцвѣтной ткани диваны; на каждомъ изъ нихъ лежало по двѣ подушки. Надъ диванами висѣли картины, представляющія разнохарактерныя эротическія сцены. Невинность закрыла-бы глаза и поспѣшно удалилась бы отъ этихъ картинъ, богатыхъ, привлекательныхъ.

Потолокъ былъ расписанъ, — если только можно такъ сказать объ грубомъ изображеніи безнравственныхъ фигуръ древней Миѳологіи.

Въ серединѣ комнаты стоялъ квадратный столъ, рѣзной, въ иныхъ мѣстахъ позолоченный. На немъ стоялъ сереб-

ренный кубокъ, изъ котораго пилъ кумысъ Князь Исакъ.

Заира пробѣжала черезъ эту комнату въ другую, убранную также, только выкрашенную голубою краскою.

Въ этой комнатѣ на диванѣ лежалъ старикъ въ Татарскомъ халатѣ; шапочка спала съ головы его, лишенной волосъ и рукою времени и бритвою.

Лице его было страшно: какая-то дикая чувственность изображалась въ немъ. Изъ-подъ длиннаго орлинаго носа висѣли усы и загибались къ ушамъ. На бородѣ у него было мало волосъ, и еслибы онъ не былъ владѣльцемъ богатаго имѣнія, то можно было бы принять его за *кастрата*. Ему казалось было лѣтъ шестьдесятъ.

Подлѣ него стоялъ треножникъ чернаго дерева, отлично отдѣланный и украшенный позолотою. На немъ

стоялъ серебренный покалъ, наполненный бѣловатою жидкостію.

Подлѣ треножника въ головахъ Исаака сидѣлъ на сафьянной подушкѣ маленькой Татарченокъ, красивый собою и богато одѣтый. Онъ сидѣлъ подогнувъ подъ себя ноги, раздувалъ стоявшую близь него курильницу и посыпалъ благовонныя куренья. Тонкой, нѣжный, душистый дымокъ вился въ комнатѣ и близь потолка составлялъ бѣловатое волновавшееся облако.

Заира, вошедши въ комнату, приблизилась къ спящему и сѣла въ ногахъ у него.

Она была чѣмъ-то встревожена. Глаза ея блистали на подобіе свѣтильника, освѣщающаго огромное темное пространство. Грудь не ровно подымалась.

Нѣсколько времени прошло, она си-

дѣла въ задумчивости; напослѣдокъ Исакъ протянулся и открылъ сѣрые, непривѣтные глаза.

» Ты здѣсь, Заира?« спросилъ онъ.

— Да, Князь.

» Ты, кажется, чѣмъ-то разстроена?

— Правда.

» Чѣмъ же? Открой мнѣ. «

— Намъ должно быть однимъ.

» Селимъ, поди вонъ! «

Мальчикъ вышелъ.

— Тебѣ, Князь, угрожаетъ опасность.

» Мнѣ опасность? «

— Да.

» Что это значитъ?. «

— Слушай!

Исакъ сѣлъ на диванѣ, положилъ одну руку на плечо Заиры и сказалъ:

» Какую вѣсть принесла ты мнѣ, моя любушка ненаглядная, лучшій бриліантъ въ ожерельѣ моемъ? «

— Вѣсть страшную, ужасную! Сперва скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты меня?

» Болѣе всего на свѣтѣ! «

— Лжешь, Исакъ.

— » Клянусь Магометомъ! «

— Не клянись напрасно: ты любишь Лелію!—Что? Смущаешься!

— » Нѣтъ! Я тебя люблю болѣе: ты моя послушная, кроткая подруга; а Лелія своенравная, злая дѣвчонка, невольница. «

— Прибавь къ тому—преступница!

— » Какъ? «

— Да; она, съ помощію какого-то всадника, хочетъ погубить тебя и выдти за него замужъ.

— »Погубить меня и выдти замужъ? Нѣтъ, это ужасно! Скажи пожалуй, что это значитъ?«

— Я тебѣ уже сказала, что твоя Гурія небесная хочетъ погубить тебя.

— »Что же ты мнѣ не сказала объ этомъ прежде? Давно ли ты узнала объ ея злоумышленіи?«

— За-полчаса передъ этимъ.

— »Она тебѣ сама призналась?«

— Нѣтъ. Вотъ какъ это случилось. Три дня тому прошло, я и Лелія сидѣли подлѣ окна, изъ котораго видно Окское поле. Мы разговаривали о судьбѣ нашей, и я начала говорить ей о любви твоей къ ней, о намѣреніи жениться; она съ презрѣніемъ говорила объ тебѣ и язвительно смѣялась надъ твоею старостію. Вдругъ неожиданно на полянѣ появился всадникъ. Онъ

привлекъ все ея вниманіе; она растворила окно и начала махать платкомъ.

»Всадникъ между тѣмъ приблизился и остановился подлѣ оконца. Снявши шишакъ свой, онъ поклонился Леліи и она ему также. Такъ продолжалось нѣсколько времени.«

»На другой день, т. е. нынче, тотъ же всадникъ приблизился къ окну, и опять Лелія открыла его и начала смотрѣть на всадника.«

»Потомъ кинула ему платокъ, который онъ поднялъ и поцѣловалъ нѣсколько разъ. Напослѣдокъ они начали разговаривать и уговариваться, какъ бы погубить тебя и освободиться изъ неволи. Завтра онъ опять обѣщался пріѣхать.«

— И завтра я его убью! сказалъ Исакъ злобно. Что выражало лице его?

О! какъ описать эти ужасныя черты воспламененной злобы!

Заира съ наслажденіемъ смотрѣла на злодѣя.

» Я ихъ обоихъ отправлю на тотъ свѣтъ; они тамъ станутъ жить вмѣстѣ! « продолжалъ онъ улыбаясь злобно.

— Вотъ ты кого полюбилъ, Князь! Вотъ твоя возлюбленная что тебѣ готовитъ! Брось Заиру, она тебѣ ужъ не нужна болѣе: земная дѣвушка не можетъ быть вѣчно непорочною! Лелія еще молода, собою прекрасна, она можетъ возбудить въ тебѣ охладѣвшую страсть, она прижметъ тебя къ своему сердцу и кинжаломъ поразитъ тебя! Что медлишь Князь мой, повелитель мой? Гони отъ себя постылую Заиру — и замѣни ее Леліею. О Исакъ, Исакъ, какъ ты непостояненъ! Какъ

ты неблагодаренъ къ твоей Заирѣ! Она тебя любитъ, дышетъ тобою — а ты ее презираешь! Забылъ ты, Князь, мои горячія лобзанія въ тѣ мгновеніе, когда рука твоя блуждала по моей дѣвственной груди? Забылъ, когда, упоенный страстію, клялся любить меня вѣчно, неизмѣнно? Ты все забылъ, клятвопреступникъ! Сознайся самъ: кто лелѣялъ тебя, какъ милое дитя, на груди своей; кто исполнялъ малѣйшія твои желанія; кто была твоей послушнѣйшею рабынею? Кто, Князь?... Я — да! Заира лелѣяла тебя, любила и дорожила твоимъ спокойствіемъ — забывая о своемъ! — Сознайся самъ: кому ты обязанъ болѣе изъ всѣхъ твоихъ наложницъ? Ты молчишь!—Нѣтъ, отвѣчай!

» Я всѣмъ тебѣ обязанъ! Ты единственное мое утѣшеніе. Ты будешь

наслѣдницей всѣхъ богатствъ моихъ! Будь увѣрена, что я не измѣню тебѣ,—неизмѣню своимъ клятвамъ. Какъ! ты могла подумать о моей невѣрности? Какой демонъ вселилъ въ тебя подозрѣніе? «

— Не демонъ, но ты самъ!

» Клевета! «

— Не ты ли во время ночи ходилъ къ Леліи и старался соблазнить ее, любить ее до могилы и изгнать меня? Не ты ли какъ собаченка ползалъ передъ ней и лизалъ ея ноги? Не ты ли слышалъ презрительныя слова ея и не смѣлъ сердиться?—Признайся!

» Правда, Заира, винюсь передъ тобою. Если ты любишь, то простишь меня. «

— Что тебѣ занужда: прощу ли я, нѣтъ ли; тебѣ дорога твоя Лелія. Ступай къ ней, ползай на колѣняхъ.

Я уйду отъ тебя — или умру преждевременно — и смерть моя будетъ тебѣ отрадна!

Заира послѣднія слова произнесла трогательно.

Князь кинулся передъ ней на колѣни и началъ молить о пощадѣ.

— Стыдись, Исакъ, пресмыкаться передъ своею рабою; ползай, лижи ноги у Леліи, — а мнѣ дай умереть!

» Тебѣ умереть! И ты думаешь, что я легко перенесу потерю эту? Жизнь твоя дороже всѣхъ богатствъ моихъ. Если ты умрешь, то и я лягу въ одинъ гробъ съ тобою — живаго велю засыпать землею! «

— Такъ, Князь, ты говорилъ, когда въ первый разъ поцѣлуи твои разжигали мои дѣвственныя уста; — вспомни былое. . . . Но оно уже прошло!

» Нѣтъ, нѣтъ! оно вѣчно для меня существуетъ! Никогда я не забуду того блаженства! Другъ мой, неоцѣненная моя Заира, прости меня и полюби какъ прежде! Прости, или я у ногъ твоихъ пробуду цѣлый вѣкъ; прости меня, я клянусь, что не измѣню тебѣ вѣчно; да поразитъ меня Магометъ! « говорилъ трепещущій Исакъ и цѣловалъ ноги хитрой красавицы.

— Живи, Князь, благополучно, да продлитъ Магометъ вѣкъ твой! Встань, любезный мой, я забываю все,—сказала торжественно Заира, и Князь Исакъ кинулся въ ея объятія.

❊

ГЛАВА III.

Ѳеодоръ. Разговоръ влюбленныхъ. Подарокъ: что онъ выражаетъ. Упоеніе друзей. Поэзія любви. Внезапный страхъ. Смущеніе Людмилы.

—

Всадникъ исполнилъ обѣщаніе: Леліи рано, когда лишь солнце подымалось и можетъ оно одно только любовалось природою, онъ стоялъ уже передъ окномъ красавицы и дожидался когда оно растворится.

Лелія по какому-то тайному чувству не спала въ это время и въ одной только ночной одеждѣ подошла къ окну, растворила его и выглянула.

Всадникъ поймалъ взорами красавицу, видѣлъ мгновенно станъ ея и вскрикнулъ отъ удивленія. Лелія также содрогнулась и поспѣшила накинуть верхнюю одежду.

— Здравствуй, Лелія!—сказалъ всадникъ.

»Здравствуй, Ѳеодоръ,« привѣтствовала красавица улыбаясь нѣжно.

— Рано же ты встаешь, Лелія!

»И ты, Ѳеодоръ, знать любишь наслаждаться природою: солнце только что подымается, а ты ужъ стоишь подлѣ зàмка! «

—И дожидался твоего появленія! Милая, несравненная дѣвушка, красавица Русская, моя ненаглядная, скажи при-

вѣтное слово, порадуй имъ! Скажи: » я люблю тебя, Ѳеодоръ, люблю болѣе всего на свѣтѣ! «

— Да, любезный незнакомецъ, я люблю тебя; люблю, люблю — и не знаю какъ выразить любовь мою!

» Если такъ, то я счастливъ! — И вотъ, моя Лелинька, прими отъ меня подарокъ и храни его. «

При этихъ словахъ онъ снялъ съ шеи золотую цѣпочьку, къ которой прикрѣплены были крестъ и сердечко, и кинулъ въ окно красавицы. Она поймала и, по внушенію сердца, поцѣловала нѣсколько разъ.

— Скажи же, другъ мой, что это значитъ, что выражаетъ твой подарокъ, который я стану носить на груди, подлѣ самаго сердца?

» Изволь, моя любезная, я растолкую значеніе его. *Цѣпь* означаетъ союзъ

нашихъ сердецъ; *сердечко*—любовь мою къ тебѣ, которая соединяетъ и освящаетъ союзъ нашъ; а крестъ означаетъ терпѣніе, смиреніе христіанское, надежду на помощь Того, Кто пострадалъ на немъ. «

— О! какой драгоцѣнный твой подарокъ! сколько онъ выражаетъ таинственнаго, высокаго! Самъ Богъ вразумилъ тебя подарить меня имъ! Благодарствуй, любезный мой! Я стану молить за тебя Господа, буду денно и нощно просить Его, что бы Онъ благословлялъ тебя во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ— и ниспослалъ бы свыше благодать!

» Молись Ему, прекрасная, молись усерднѣе, чтобы Онъ услышалъ молитву твою и помогъ мнѣ исполнить мои намѣренія. Онѣ чисты, непорочны, безгрѣшны; отъ нихъ зависитъ мое счастіе, блаженство; онѣ могутъ ожи-

воторитъ сердце мое сладкимъ, благотворнымъ бытіемъ. Понимаешь ли ты меня, красавица? «

— Молиться за тебя, мой милый, я стану сколько силъ у меня станетъ; но не могу угадать твоихъ намѣреній и потому не понимаю ихъ, сказала Лелія.

» Мои намѣренія: освободить тебя изъ неволи и, если такъ я буду счастливъ, соединиться съ тобою во святомъ храмѣ, предъ олтаремъ Всевидящаго священнымъ бракомъ! «

— Исполнится ли это когда нибудь? Буду ли я столько счастлива, что назову тебя моимъ супругомъ? Блеснетъ ли мнѣ когда нибудь на зарѣ дней моихъ отрадный лучь денницы и освѣтитъ ли мое сердце, отуманенное печалями? Ѳеодоръ, не обманываешь

ли ты меня неопытную; не тѣшишься ли надо мною? Если такъ, то Богъ съ тобою!

» И ты еще сомнѣваешься, еще не увѣрилась изъ словъ моихъ и восторженныхъ поцѣлуевъ, которыми я осыпалъ покровъ съ груди твоей, въ моей любви къ тебѣ, расположеніи? Я не знаю, научи меня, какъ мнѣ выразить любовь мою? О, красавица! пойми меня, пойми состояніе души и сердца, и награди меня взаимною любовію! Людмила, поклянись, что ты любишь меня и станешь любить до гробовой доски! «

— Ѳеодоръ! я тебя третій день видаю, могу ли потому поклясться въ любви передъ Всевышнимъ? Могу ли произнести клятву передъ незнакомымъ мнѣ юношею въ любви? Подумай, любезный Ѳеодоръ: клятва передъ

Господомъ много значитъ! Быть можетъ ты—и соб.... хотя я никакъ ни думаю!...

» Соблазнитель — ты хотѣла сказать? Нѣтъ, красавица, я начинаю думать иначе—хотя дума ужасна. Ужъ не помѣнялась ли ты сердцемъ съ другимъ? Нѣтъ ли у тебя возлюбленнаго, моего соперника? Если такъ, то скажи мнѣ откровенно; я удалюсь отъ тебя и болѣе не увижу! «

— Нѣтъ, нѣтъ, Өеодоръ! я въ первый разъ говорю съ юношею и въ первый разъ чувствую сердечное расположенiе къ тебѣ; въ этомъ я поклянусь передъ Творцемъ! Но могу ли я надѣяться, что ты уважешь любовь бѣдной сироты?

» Красавица! я богатъ; но съ кѣмъ мнѣ раздѣлить мои богатства? До

сихъ поръ я не находилъ ни одной красавицы, которая бы могла заставить трепетать мое сердце. Передъ тобою же я повергаюсь самъ и дѣлаюсь рабомъ твоимъ: цѣпи такого рабства для меня пріятнѣе въ тысячу разъ свободы! «

Такъ говорилъ Θеодоръ и, соскочивъ съ коня, палъ передъ ней на колѣни.

— Боже милосердый, подкрѣпи меня! Твои слова, любезный незнакомецъ, прожигаютъ мое сердце; я чувствую, что вся трепещу, что мысли мои волнуются. Милый Θеодоръ! Ты влилъ въ меня какой - то восторгъ, обновилъ бытіе мое; теперь я стану съ радостію встрѣчать привѣтную денницу: она будетъ предшествовать нашему свиданію!

Такъ говорила въ восторгѣ Лелія.

— Такъ, прелестная, до тѣхъ поръ, пока не найду случая освободить тебя, я стану пріѣзжать къ тебѣ и любоваться тобою. О Лелія, милая Лелія! что можетъ сравниться съ твоимъ взглядомъ? какая красавица въ мірѣ не покажется безобразною передъ твоимъ лицемъ? Я не знаю, не умѣю, съ чѣмъ сравнить тебя! Сравню ли съ цвѣточкомъ, онъ хорошъ, — но ты, твоя красота превосходитъ его! Въ какомъ цвѣткѣ столько прелестей, какія въ твоемъ лицѣ? Сравню ли очи твои съ голубымъ небомъ, съ ясною путеводною звѣздою; но это будетъ недостаточно: на небѣ появляются облака, тучи — и прощай небо, его не видно! Вспыхиваетъ денница—и прости путеводная звѣзда — она гаснетъ! А твои очи, веселыя, живыя, привѣтнѣе денницы, яснѣе неба, свѣтлѣе путе-

водной звѣзды! — Но скажи, съ чѣмъ сравнить уста твои? — Ты молчишь, улыбаешься и эта улыбка устъ твоихъ заставляетъ меня усомниться, точно ли ты дѣва! Не созданіе ли моего пылкаго воображенія, не играли природы? Если бы можно было представить тебя предъ всѣмъ свѣтомъ, я спросилъ бы у него: »кто можетъ сравниться съ нею? покажите мнѣ красасавицу, которая бы могла превзойти ее?«—О! конечно весь міръ, вся вселенная преклонилась бы передъ тобою!

»Какъ красно говоришь ты, Ѳеодоръ! Ни отъ кого я не слыхала такихъ сладкихъ рѣчей. Мое сердце трепещетъ отъ радости; твои слова, какъ медъ, сладятъ уста мои, и если бы можно было, я бы кинулась къ тебѣ изъ оконца, повисла бы на шею и сказала бы: »я люблю тебя, мой сердечный!

Люблю, люблю! и не знаю другаго слова, которое бы могло выразить чувство мое расположенія къ тебѣ!«

— Если бы не этотъ проклятый ровъ, наполненный водою, не эта зубчатая стѣна: я бы забрался къ тебѣ и, послѣ того, что я услышалъ, умеръ съ тобою, превратившись въ одинъ восторженный, вожделѣнный поцѣлуй!... Лелія! молись Богу, чтобы Онъ помогъ мнѣ освободить тебя, и тогда бы познала наслажденіе, блаженство, познала бы, что такое любовь и что значить любить!

» Если бы это было поскорѣе! О какъ мнѣ хочется узнать, что значитъ любить! «—сказала Лелія восторженно.

— Богъ помощникъ! Надѣйся на Него!

Вдругъ въ это время по лѣстницѣ

раздались шаги; Лелія содрогнулась, кинулась къ дверямъ и потомъ поспѣшно воротилась къ окну.

— Спасайся, Өеодоръ! ради Бога скачи скорѣе! Идетъ ко мнѣ мой владѣлецъ!

Всадникъ вскочилъ на борзаго коня и помчался къ Окѣ.

Что сдѣлалось съ тобою, прелестная Лелія? Отъ чего лице твое перемѣнилось, вмѣсто багрянца покрыла смертная блѣдность?

Отъ чего ты трепещешь? Глаза твои не блестятъ какъ путеводная звѣзда! Съ чѣмъ сравнилъ бы тебя Өеодоръ, когда увидѣлъ бы въ такомъ положеніи?

Конечно не сказалъ бы онъ тогда, что очи твои всегда свѣтлы, яснѣе неба; онъ узналъ бы, что ни одно оно

бываетъ мрачно: очи дѣвы иногда бываютъ мрачнѣе ночи, ужаснѣй тучи!

Отъ чего произошла такая съ тобою перемѣна?

Развѣ ты въ первый разъ видишь передъ собою Исака? Развѣ онъ такъ страшенъ, что на него смотрѣть ужасно? Можетъ быть не потому ли, что онъ не такъ привѣтливъ, какъ Ѳеодоръ, не такъ пріятны рѣчи его, какъ юноши?

Можетъ быть не потому ли, что Исакъ уже старъ, что его лице не оживляется румянцемъ юности, что его борода поросла колючимъ мохомъ, а не мягкою, нѣжною опушкою волосъ; что поцѣлуй старика не такъ сладокъ, какъ юноши; что объятія старца не такъ мощны, крѣпки, какъ объятія Ѳеодора, браваго, высокаго, сильнаго молодца?

Можетъ быть не потоку ли, что Исакъ уже отжилъ почти вѣкъ, перечувствовалъ наслажденія и не могъ быть страстнымъ обладателемъ прелестей красавицы?

Я думаю, что всякая дѣвица-невѣста принимаетъ въ расчетъ послѣднія обстоятельства и потому приглядиѣе смотритъ на пылкаго юношу, чѣмъ на отжившаго старика.

Обратимся къ Леліи.

Что же милая, несравненная Лелія тебя такъ встревожило? Признайся откровенно, открой намъ свой тайный страхъ, смущеніе?

» Что? « объ этомъ мы узнаемъ послѣ.

*

ГЛАВА LV.

Исакъ. Разговоръ его съ Людмилою. Первая ложъ. Гнѣвъ Исака. Опять всадникъ. Его печаль. Три противника. Неравная битва. Преступникъ. Тюрьма. Сосѣдка безтѣлесная. Ночь въ тюрьмѣ.

=

— Боже мой, что будетъ съ нимъ! Спаси его Господь, помилуй! произнесла Лелія тихо и перекрестилась.

Въ это время растворилась дверь и вошелъ Князь Исакъ.

Лице его было угрюмо, непривѣтно; глаза блистали яростію. Но онъ, стараясь скрыть злость свою, принужденно улыбнулся и сказалъ какъ бы радушно:

— Здравствуй мой цвѣтокъ любимой! Мнѣ послышалось, что ты съ кѣмъ-то разговаривала?

Лелія, трепеща, отвѣчала:

» Нѣтъ, я одна въ комнатѣ, ни съ кѣмъ не разговаривала. «

— Въ первый разъ я отъ тебя слышу ложь. Я самъ видѣлъ, что подлѣ стѣны стоялъ какой - то всадникъ и разговаривалъ съ тобою. Глупенькая, ты хотѣла скрыть отъ меня, но не съ-умѣла! Будь увѣрена, что все, не только что дѣлаешь, но даже мыслишь, мнѣ извѣстно, — говорилъ Исакъ.

» Великій Боже! « вскрикнула испуганная дѣвушка, » спаси и сохрани его! «

— Нѣтъ, душенька, ужъ вѣрно онъ больше къ тебѣ не пріѣдетъ. Я его упрячу, моего голубчика, въ такое мѣстечько, что не скоро выдетъ на бѣлый свѣтъ!

» Злодѣй, и меня съ нимъ вмѣстѣ!« произнесла Лелія отчаяннымъ голосомъ.

— Не торопись, голубушка! Такая, какъ ты, красавица—рѣдкость, и потому я намѣренъ на тебѣ жениться.

Вспыхнула Лелія какъ маковъ цвѣтъ, затрепетала и упала безъ чувствъ на полъ.

Милая, несравненная дѣвица, что будетъ съ тобою?

Испугался Исакъ, кинулся изъ комнаты и черезъ нѣсколько времени возвратился съ толпою невольницъ.

— Раздѣньте ее и приведите въ чувство! былъ приказъ Князя,—и невольницы повиновались.

Исакъ забылъ о всемъ, пересталъ дышать, когда увидѣлъ Лелію во всей красотѣ дѣвической.

Послѣ этаго Заирѣ трудно будетъ заставить Исака позабыть о Леліи, позабыть о блаженствѣ, упоеніи!

На другой день, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ, явился витязь подлѣ стѣны и, стреноживъ коня своего, началъ ходить задумчиво.

Долго онъ смотрѣлъ на привѣтное оконце, но оно не отворялось и не подымалась бѣлая занавѣсъ бѣлоснѣжною, вривѣтною рукою красавицы.

Такъ прошло много времени, которое для Ѳеодора казалось слишкомъ продолжительно: въ счастьѣ, въ ве-

сельи время быстро летитъ, непримѣтно.

Вдругъ трое лихихъ наѣздниковъ показались изъ-за угла лѣвой башни и быстро приближались къ нему. По ихъ неистовымъ движеніямъ, можно было принять ихъ за людей недобрыхъ.

Өеодоръ поймалъ коня своего, сѣлъ на него и смѣло поѣхалъ легкою рысью къ нимъ на встрѣчу.

Они съѣхались и приостановились.

Нѣсколько времени молчаніе.

Казалось, противники мѣрили другъ друга глазами.

— Зачѣмъ ты ѣздишь здѣсь каждый день и разговариваешь съ невольницею? спросилъ одинъ наѣздникъ.

» Я не обязанъ ни кому на такой грубый вопросъ отвѣчать; а особливо

тебѣ, невольнику какого нибудь Татарскаго Князька, ничтожнаго раба моего Великаго Князя!« сказалъ запальчиво Θеодоръ.

— Я тебя заставлю отвѣчать на всѣ вопросы и собью спѣсь Московитскую. Гей! невольники, берите его! — крикнулъ тотъ же наѣздникъ.

»Это не такъ легко, какъ ты думаешь. Сперва помѣреемся мечами!« сказалъ Θеодоръ и обнажилъ мечь свой.

Противники также.

Закипѣлъ неравный бой.

Бѣлосельскій рубился мастерски; но скоро началъ уставать и чувствовать, что силы его слабѣютъ.

Вдругъ тотъ, который повелѣвалъ двоими наѣздниками, подрубилъ переднія ноги коню Θеодора и онъ повалился на землю съ дикимъ стономъ.

Бѣлосельскій неожиданно потерялъ перевѣсъ и упалъ на землю.

Того-то и было надобно противникамъ.

Они мгновенно соскочили съ лошадей и кинулись на него. Не успѣлъ Ѳеодоръ оправиться, какъ руки его уже были скручены.

— Попался ты намъ, пріятель! Теперь ужъ больше тебѣ не видать невольницы. Тащите его въ за́мокъ! Тамъ его посадимъ на колъ,—говорилъ первый наѣздникъ.

» Если вы осмѣлитесь это сдѣлать, то ни вы, ни Ханъ вашъ, ни самъ Касимовъ не уцѣлѣютъ! Умертвить Витязя Царскаго—Боже васъ избави! Вы не знаете, что такое онъ значитъ? Вы не можете нанести мнѣ непріятности, если не хотите подвергнуться грозному наказанію Ца-

ря Русскаго! Вѣрьте, что смерть моя будетъ ему извѣстна: братъ мой Вечеславъ донесетъ объ ней, и тогда.... повторяю, берегитесь! «

— Хорошо, пріятель, мы теперь посадимъ въ клѣтку, а потомъ узнаемъ, что съ тобою дѣлать, — сказалъ старшій.

Всадникъ безъ сопротивленія дался въ руки врагамъ своимъ и пошелъ съ ними во внутренность зȁмка.

Прошедши длинный широкій дворъ, они вступили въ темный корридоръ, который только освѣщался малыми отверстіями, или оконцами, задѣланными желѣзными рѣшетками.

Корридоръ этотъ привелъ ихъ къ большой желѣзной двери, запертой тяжелымъ замкомъ. Одинъ оруженосецъ отперъ и отворилъ ее; тогда представился глазамъ Ѳеодора мрач-

ный, сырой, ужасный подвалъ. Онъ также замѣтилъ скамью подлѣ стѣны и на ней пукъ соломы.

— Вотъ до времени жилище твое! сказалъ старшій и, втолкнувши Ѳеодора, самъ поспѣшно вышелъ съ товарищами.

» Что мнѣ теперь дѣлать? Кто поможетъ въ несчастіи? Кто выручитъ изъ бѣды? Богъ—Онъ одинъ въ силахъ освободить меня; на Него моя надежда! « говорилъ Ѳеодоръ, осматривая новое свое жилище.

Малый свѣтъ въ длинныя и узкія оконцы слабо освѣщалъ ее. Однако можно было разсмотрѣть этотъ подвалъ душный и сырой.

Ѳеодоръ, осматривая стѣны, увидѣлъ въ углу человѣческій остовъ, который висѣлъ на веревкѣ, привязанной къ гвоздю.

Нашъ несчастный заключенный приблизился къ своему новому сосѣду, чтобы съ нимъ познакомиться и поразсмотрѣть его.

Это былъ скелетъ, совершенно лишенный тѣла, и если бы ни коса длинная, шелковистая, уцѣлѣвшая на головѣ, то онъ не могъ бы узнать, кому онъ принадлежалъ.

— Давно ли висишь ты, моя любезная сосѣдка? За какое преступленіе тебя наказали такъ жестоко? Быть можетъ и меня ждетъ такая же участь! говорилъ Ѳеодоръ.

Размышляя объ участи своей, онъ сѣлъ на скамью и въ глубокой задумчивости пробылъ долгое время.

Между тѣмъ наступала обѣденная пора. Ѳеодоръ узналъ это потому, что старый, суровый Татаринъ принесъ

ему кусокъ черстваго хлѣба и ковшикъ воды.

Долго тянулся для него этотъ день; наконецъ наступила ночь и заключенный легъ на солому спать.

На другой день, осматривая опять подвалъ свой, онъ сдѣлалъ важное открытіе: нашелъ желѣзную плиту и, поднявши ее съ усиліемъ, увидѣлъ лѣстницу, по которой и пошелъ искать приключеній.

⁂

ГЛАВА V.

Извѣстіе о всадникѣ. Предпріимчивость Людмилы. Неожиданное появленіе всадника. Удивленіе его и Людмилы. Исакъ. Гнѣвъ его. Жестокосердіе. Преступники. Висѣлицы. Молитва друзей.

═

Почти въ то же время, какъ случились описанныя произшествія съ Ѳеодоромъ, Лелія пришла въ память, и мутными, умоляющими глазами смотрѣла на окружающихъ ее невольницъ, которыя старались исполнять все, что ей угодно.

— Подруженьки мои! не знаете ли, что случилось съ тѣмъ оруженосцемъ, который прiѣзжалъ къ стѣнамъ замка? спрашивала печально Лелiя.

Молчанiе было отвѣтомъ.

— Вѣрю, его уже нѣтъ въ живыхъ: злодѣй Исакъ погубилъ его! О милый, несравненный Θеодоръ, любезный юноша! если ты погибъ, то и я жива не буду, и я не стану наслаждаться счастiемъ въ мiрѣ — любоваться имъ и восхищаться созданiемъ его! продолжала Лелiя голосомъ тихимъ, можно сказать умирающимъ. Какое было состоянiе дѣвушки! Если бы можно было заглянуть въ ея сердце — чтобы нашли въ немъ? Животворила ли его любовь пылкая, благотворная?

Одна невольница вышла изъ комнаты и потомъ черезъ нѣсколько времени

опять возвратилась съ печальнымъ видомъ.

— Госпожа! я узнала о всадникѣ, сказала она.

» Узнала! Живъ ли онъ? «

— Живъ, но находится въ зàмкѣ, въ заточеніи. Исакъ хочетъ умертвить его.

» Умертвить его! Нѣтъ, этаго не будетъ! « произнесла Лелія отчаяннымъ голосомъ, а потомъ продолжала какъ въ безуміи:

— Подруженьки! скажите мнѣ откровенно, хороша ли я?

» Прекрасна! « отвѣчали невольницы.

— Давно я не наряжалась. Принесите мнѣ лучшее мое платье и одѣньте: я хочу полюбоваться собою.

Невольницы вышли въ другую комнату. Лелія продолжала:

— Спасу тебя, мой несравненный Өеодоръ! Пожертвую моею непорочностію для твоей свободы—пожертвую всѣмъ, только бы ты былъ благополученъ!

Въ это время возвратились невольницы.

Лелія поспѣшно сбросила съ себя прежнее платье, приказала подать ключевой воды, умылась и потомъ стала наряжаться въ прелестное платье.

Платье свѣтлоголубой ткани, шитое серебреными узорами и окойменное по подолу серебреною широкою блестящею бахрамою, шло къ лицу Леліи. Оно не закрывало плечики и грудь ея какъ бы для того, чтобы всѣ любовались дивнымъ созданіемъ ихъ, чудною, невыразимою красотою.

На шею Лелія надѣла брилліантовое ожерелье, а на голову брилліантовое солнце. Ножки ея охватывались голубыми шелковыми сапожками, шитыми серебромъ.

Одѣвшись, Лелія посмотрѣла въ зеркало и спросила съ самодовольствіемъ.

— Хороша ли я?

— Красавица! отвѣчали въ одинъ голосъ невольницы,—и это была правда.

Въ голубомъ, небеснаго цвѣта, платьѣ, которое осѣняло ее наподобіе чистому эѳиру, она была подобна неземной дѣвѣ. Прелестное лице, осѣняемое шелковистыми черными волосами, небрежно падавшими на атласныя плечеки, придавало болѣе прелести; однимъ словомъ, она была прелестна.... нѣтъ, болѣе чѣмъ прелестна! Я не знаю, какимъ

бы словомъ выразить красоту ея! У насъ, на Русскомъ языкѣ, нѣтъ такого слова. Что если бы увидѣлъ ее Θеодоръ! Въ какой бы восторгъ пришолъ онъ!

— Подруженьки, пришлите ко мнѣ Исака, — сказала Лелія, и невольницы вышли.

Красавица сѣла на диванъ, противъ зеркала, и долго смотрѣлась въ него; потомъ на глазахъ у нее блеснули слезы, щеки мгновенно вспыхнули, она сказала печально:

— Лелія! скоро тебя не будетъ; скоро могила будетъ чертогомъ тебѣ и простой саванъ украшеніемъ твоихъ прелестей!

И головка ея склонилась къ груди, и жемчужная слезка пала на нее и покатилась по ней, и тяжелый вздохъ поколебалъ грудку.

Вдругъ неожиданно подлѣ стѣны подымается половица. Лелія, испугавшись, глядитъ туда, и что же представилось ея изумленнымъ очамъ?

Ѳеодоръ вышелъ изъ открывшейся потаенной двери, и вдругъ, увидѣвъ неожиданно свою возлюбленную, какъ бы онѣмѣлъ.

Представте удивленіе друзей! Они смотрятъ другъ на друга и молчатъ: удивленіе оковало уста ихъ.

Они любуются другъ другомъ, какъ ребенокъ любуется игрушкою, которая ему нравится.

Такъ продолжается нѣсколько времени.

Напослѣдокъ Лелія сказала:

— Ѳеодоръ, тебя ли я вижу?

» Милая, несравненная Лелія! ты ли это? « сказалъ Ѳеодоръ.

— Какъ ты зашелъ ко мнѣ?

» Судьба, милосердая судьба привела меня взглянуть на тебя, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Меня скоро умертвитъ владѣлецъ этаго за̀мка. Ахъ, Лелія! еслибы Богъ освободилъ насъ! «

— Надѣйся на Него, Онъ милосердъ! сказала Лелія, и съ этимъ словомъ вошелъ Исакъ. Представте, читатели мои, его удивленіе!

— Ты надо мною смѣешься, презрѣнная раба! Посылаешь за мной, чтобы удивить меня своими прелестями и заставить ползать передъ тобою? Нѣтъ! теперь ужъ болѣе тебѣ не царствовать! Ты будешь невольницею, а пріятель твой теперь же погибнетъ.

Исакъ произнесъ это ужаснымъ голосомъ. Трудно выразить злость его, изобразить черты лица. Онъ вышелъ

вонъ и потомъ возвратился опять съ толпою невольниковъ и невольницъ.

— Берите его и удавите теперь же! сказалъ онъ первымъ. Снимите съ нее богатую одежду и накиньте грубую, и возьмите къ себѣ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ послѣднимъ.

»Людмила, прости на вѣчно!« воскликнулъ Бѣлосельскій и кинулся къ ней на шею.

— Прости, Ѳеодоръ! надѣйся на Бога: Онъ нашъ защитникъ! произнесла Лелія нѣжно, цѣлуя его.

Исакъ кинулся къ друзьямъ и силою разорвалъ юныхъ страстныхъ пріятелей.

— Ведите ихъ на смерть обоихъ! крикнулъ Исакъ, и несчастныхъ друзей невольники повели по лѣстницамъ и переходамъ въ низъ на широкій дворъ.

Между тѣмъ Исакъ осматривалъ

тотъ переходъ, которымъ взошелъ Ѳеодоръ къ Леліи.

— Дьяволъ меня возьми, если я зналъ, что есть эта лѣстница! Я бы его засадилъ еще глубже! говорилъ Князь. Потомъ побѣжалъ къ своимъ преступникамъ и, увидѣвъ, сказалъ имъ звѣрски улыбаясь.

— Ну, друзья, теперь какъ-то вы станете любоваться другъ другомъ! Скорѣе исполните приказъ мой: удавите ихъ! Пусть они оба полетаютъ подъ облаками.

На пространномъ дворѣ уже были приготовлены нѣсколько висѣлицъ. Вѣрно Исакъ часто отправлялъ на тотъ свѣтъ невольниковъ и невольницъ своихъ.

Ѳеодоръ съ твердостію повиновался судьбѣ; съ благоговѣніемъ преклонилъ колѣна и началъ молить Творца объ

отпущеніи грѣховъ; слезы лились изъ очей его; лице выражало священное, высокое чувство.

Людмила также послѣдовала примѣру Θеодора, стала на колѣни и осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

Два друга были подобны Ангеламъ, которыхъ послалъ Творецъ на землю молиться за грѣхи человѣковъ.

Исакъ кинулся къ нимъ и прервалъ ихъ моленія. Невольники потащили преступниковъ на висѣлицы.

*

ГЛАВА VI.

Пожаръ. Суматоха въ чертогахъ Исака. Паденіе башни. Толпа незнакомцевъ. Гибель Исака. Спасеніе Людмилы и Θеодора. Братъ Вечеславъ. Новость, непріятная для Θеодора. Ужасъ въ подземельѣ. Разсказъ Людмилы. Тайна Атамана.

═

»Пожаръ, пожаръ!« раздался крикъ на улицѣ за оградою за̀мка. »Пожаръ!« кричали сторожа Исака, которые стояли на угловыхъ башняхъ и подлѣ воротъ.

— Гдѣ пожаръ? спрашивалъ Исакъ, испуганный неожиданностію, у подбѣжавшихъ къ нему невольниковъ.

Дымный столбъ мгновенно поднялся надъ башнею, обращенною къ берегу Оки, и потомъ огневая струя обѣжала ее; еще нѣсколько времени и пламя обняло башню и она съ громомъ, съ шумомъ обрушилась.

Мгновенно дымная туча сгустилась надъ зàмкомъ. Исакъ забылъ о преступникахъ; невольники испуганные также не знали что дѣлать. Всѣ бѣгали, суетились и ничего не дѣлали.

Въ то же время толпа вооруженныхъ всадниковъ вскакала на дворъ и, спѣшившись, кинулась съ неистовствомъ на невольниковъ княжескихъ.

Одинъ изъ всадниковъ кинулся на шею къ Ѳеодору и крѣпко прижалъ его къ сердцу.

— Вечеславъ! воскликнукъ Ѳеодоръ.

» Ѳеодоръ! « произнесъ радостно Вечеславъ, и оба осыпали другъ друга безчисленными поцѣлуями.

Между тѣмъ прочіе всадники перевязали многихъ рабовъ и ранили самаго Исака, который, остервенившись, защищался.

Вы, я думаю, читатели мои, догадались, кто эти всадники?

То былъ Ѳомушка съ своими товарищами разбойниками. Ко времени же они подоспѣли!

Лелія ничего не понимала и трепетала вся. Ѳеодоръ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и подвелъ къ брату.

— Любезная Лелія, это братъ мой Вечеславъ. Мы ему обязаны спасеніемъ. Злодѣя Исака ужъ нечего опасаться: онъ будетъ наказанъ по заслугамъ. Гос-

подь спасъ насъ и мы можемъ надѣяться на будущее счастіе!

Лелія пала въ ноги Вечеслава и слезами доказала свою благодарность. У Вечеслава также заискрились слезы, и онъ напослѣдокъ кинулся къ Леліи и началъ цѣловать. Өеодоръ и сама она не понимали, что это значитъ; — но послѣ воспорженныхъ поцѣлуевъ, Вечеславъ сказалъ:

— Красавица, не зовутъ ли тебя Людмилой Юрьевной?

» Да, это было Русское мое имя. «

— Помнишь ли ты родителей своихъ? помнишь ли брата Вечеслава, котораго такъ нѣжно любила и который лелѣялъ тебя какъ дитя родное? продолжалъ Вечеславъ.

» Я начинаю припоминать черты лица моего брата: онъ походилъ на тебя.... «

— Я самый брать твой! Людмила, покажи мнѣ правую руку: на ней, подлѣ локтя, есть родимое пятнышко на подобіе креста.

Лелія обнаружила руку, и въ самомъ дѣлѣ, родинка была на сказанномъ мѣстѣ.

Тогда снова кинулся Вечеславъ обнимать Людмилу, сестру свою, и она его лобызала какъ брата, какъ избавителя. Ѳеодоръ съ задумчивостію смотрѣлъ на эту сцену и, казалось, равнодушно поцѣловалъ сестру свою.

Между тѣмъ Ѳомушка управлялся съ Исакомъ. По его приказанію несчастный Князь былъ связанъ и положенъ на землю вмѣстѣ съ невольниками. Разбойники разсыпались по за́мку и ломали, чего не льзя было взять.

Потомъ, когда всѣ рабы были схвачены, они, по приказанію Ѳомушки, затушили пожаръ. Атаманъ осмотрѣлъ

всѣ комнаты, видѣлъ прекрасныхъ невольницъ и запретилъ молодцамъ своимъ обижать ихъ.

Потомъ возвратился къ Бѣлосельскимъ и сказалъ имъ, что все кончено, что имъ должно возвратиться въ свое подземелье.

Бѣлосольскіе и разбойники отправились.

Передъ вечеромъ они возвратились домой и Ѳомушка приказалъ изготовить пышный ужинъ послѣ такого торжественнаго дѣла. За ужиномъ начались разсказы Ѳеодора и Вечеслава, которые мы знаемъ изъ самой повѣсти; но разсказы Леліи и Атамана для насъ любопытны.

» Когда мы жили въ Касимовѣ, « такъ начала Лелія, » я любила часто гулять въ ближней липовой рощѣ и собирать

цвѣты и ягоды. Часто я примѣчала какого-то страшнаго человѣка: чернаго, стараго, горбатаго. Онъ всегда внимательно смотрѣлъ на меня и, казалось, старался пугать меня своимъ безобразіемъ. Однажды, это случилось передъ вечеромъ, безобразный человѣкъ приблизился ко мнѣ молча и схватилъ сильно, такъ, что я едва осталась жива. Я крикнула было; но онъ сказалъ мнѣ сердито, что убьетъ меня при малѣйшемъ крикѣ. Я не смѣла пикнуть и едва переводила духъ. Страшный человѣкъ принесъ меня въ богатые чертоги и продалъ Князю Исаку, и съ тѣхъ поръ я не видала ни родины, ни родителей, ни сродниковъ!«

»Скучно, скучно мнѣ было жить въ одиночествѣ; особливо между иновѣрцами, поклонниками Магомета! Такъ прошло восемь лѣтъ; я уже возросла,

выросла и старый Исакъ ни одинъ разъ предлагалъ мнѣ руку свою и богатства; но я рѣшительно отказала ему, и онъ наконецъ рѣшился погубить меня. Богъ, защитникъ невинныхъ, спасъ меня и любезнаго брата моего Ѳеодора! «

Лелія окончила разсказъ свой.

— Давно ли я думалъ о тебѣ, милая, несравненная Лелія, какъ о подругѣ, какъ о будущей супругѣ, и теперь я долженъ распроститься съ этою милою для сердца мыслію. Ты не можешь быть супругою моею и я не буду твоимъ мужемъ.

» Знать такъ угодно Господу! Не тужи о томъ, любезный братецъ; мало ли есть красавицъ на Руси; вѣрно есть такія, передъ которыми я простая дѣвушка. «

— Я по крайней мѣрѣ не видовалъ

тебѣ подобной; кажется, всѣ красавицы вмѣстѣ не могутъ представить столько прелестей, сколько въ твоемъ одномъ лицѣ!

Съ удовольствіемъ слушала слова эти Людмила; улыбаясь смотрѣлъ на нее Вечеславъ; Атаманъ Ѳомушка также значительно смотрѣлъ на Лелію.

Одинъ лишь Ѳеодоръ былъ задумчивъ и эту задумчивость не трудно понять.

Ѳомушка, казалось, проникнулъ въ его сердечную думу и сказалъ торжественно:

— Бояре мои! открыть ли вамъ тайну, которая будетъ пріятна для Ѳеодора Юрьевича?

Людмила быстро посмотрѣла на него и покраснѣла.

— Скажи пожалуйста, любезный Ѳомушка, порадуй меня! сказалъ Ѳеодоръ.

»Теперь ужъ поздо: завтра утромъ я вамъ открою ее, а теперь пора спать.«

По приказанію Атамана, сторожъ зазвонилъ въ колоколъ и тишина ночи распространилась въ подземельѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

БРАТЪ
ВЕЧЕСЛАВЪ,

ИЛИ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ БЛИЗЪ КАСИМОВА.

ПОВѢСТЬ XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧ.

А. А. Павлова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ типографіи Н. Степанова.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Іюня 24 дня 1836 года.

Цензоръ *Д. Перевощиковъ.*

БРАТЪ ВЕЧЕСЛАВЪ.

ГЛАВА I.

Рѣчь Ѳомушки. Ея дѣйствіе. Торжество раскаянія.

═

На другой день Ѳомушка проснулся рано, созвалъ своихъ товарищей и сказалъ имъ слѣдующее голосомъ строгимъ и повелительнымъ:

» Товарищи! Мы уже болѣе не раз-

бойники; вчера разбойничество наше окончилось. Довольно; у насъ много сребра и злата, дорогихъ тканей и самоцвѣтныхъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ; мы можемъ жить достаточно. Все, что ни есть у насъ, я раздѣлю по ровну между вами, и каждый, взявши свой достатокъ, что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ. Все то, что принадлежитъ мнѣ, я раздѣлю на двѣ части: одну отдамъ въ монастырь, куда я самъ намѣренъ идти, а другую подарю тому, кто милъ моему сердцу. Отъ нынѣшняго дня я даю вамъ сроку двѣ недѣли, въ продолженіи коихъ вы должны будете пріискать себѣ новое мѣсто жительства. Нашего стана болѣе не будетъ; я его и уничтожу; можетъ, останутся одни только признаки нашего пріюта, которые будутъ напоминать потомкамъ нашимъ объ суще-

ствованіи Атамана разбойниковъ Ѳомушки.

»Товарищи! Давно имена наши страшны въ окрестностяхъ Касимовскихъ; давно намъ читаются въ православныхъ церквахъ проклятія; давно Московскій Бѣлый Царь ищетъ насъ и назначилъ цѣну за головы наши; давно, давно мы обречены на ужасную, постыдную смерть; и потому, спрашиваю васъ, товарищи, не лучше ли намъ оставить постыдное ремесло свое и испросить прощеніе у Царя-Батюшки? Не думайте вы, чтобы онъ такъ былъ разгнѣванъ на насъ, что непремѣнно хотѣлъ бы смерти нашей; нѣтъ! онъ проститъ, когда узнаетъ раскаяніе наше. Богъ принимаетъ покаяніе жесточайшихъ преступниковъ и награждаетъ ихъ въ вѣчности; Царь есть Богъ земной; онъ

проститъ насъ, и тогда мы можемъ спокойно доживать остатокъ жизни и готовиться къ будущей.

»Вотъ, товарищи, мои намѣренія: отправить въ Москву къ Царю Государю челобитную и ожидать со смиреніемъ окончанія нашей участи. Кто не погрязъ еще въ безднѣ злодѣяній, кто не сознается въ преступленіяхъ своихъ, тотъ не послушается моихъ увѣщаній, и тотъ рано ли, поздно погибнетъ! Кто хочетъ оставить прежнее ремесло свое и раскаяться передъ Богомъ и Государемъ, тотъ да подниметъ руку въ знакъ согласія!«

Всѣ разбойники мгновенно подняли руки и произнесли единогласно:

— Да судитъ насъ Богъ и Государь! Мы готовы оставить разбойничество и покориться законамъ правосудія!

И тогда Атаманъ Ѳомушка кинулся къ товарищамъ своимъ и началъ каждаго изъ нихъ обнимать и цѣловать торжественно.

Со слезами сердечнаго раскаянія и удовольствія обнимали разбойники другъ друга.

Ѳомушка плакалъ, и слезы его, которыя орошали поблѣднѣвшія щеки, были драгоцѣннѣе богатствъ, которыя наполняли кладовыя его; онѣ были вытѣснены умиленіемъ, раскаяніемъ, и быть можетъ, Ѳомушка никогда такъ не плакалъ.

» Друзья мои! признайтесь откровенно: чувствовали ли вы когда нибудь такую отраду въ душѣ своей, какую чувствуете теперь? Эти слезы, которыя блестятъ на глазахъ вашихъ, не служатъ ли доказательствомъ душевнаго наслажденія, упоенія, чувства

полноты сердечной радости? О! друзья, товарищи! Когда мы были такъ веселы, какъ теперь? Радовали ли насъ сокровища, добываемыя нами грабительствомъ? Радовали ли объятія красавицы, заключенной въ пріютѣ нашемъ? Нѣтъ, товарищи! такой радости, такого упоенія мы не чувствовали никогда! И такъ, друзья, въ эти минуты, когда еще, можетъ быть, никто не просыпался, помолитесь Творцу; прольемъ къ Нему теплыя слезы, чтобы Онъ простилъ наши грѣхи и благословилъ бы наше начинаніе! «

Ѳомушка палъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и, проливая слезы, началъ молиться. Сотоварищи ему послѣдовали. И такимъ образомъ, тѣ, которые наканунѣ были злодѣями, преступниками, которымъ убить юношу или старца, сгубить жену или дѣвицу казалось

ничтожнымъ; теперь, какъ смиренные иноки, молятъ Того о прощеніи, имя Котораго иногда хулили своими поступками. Молятся усердно, благоговѣйно, какъ невинныя дѣти!

Эти ли грозные злодѣи, ужасавшіе сколько времени Касимовцевъ? Этотъ ли старикъ Ѳомушка Атаманъ, гроза, стоящій теперь смиренно на колѣняхъ и простирающій дрожащія руки къ небу?

Въ это время солнце показалось на небѣ и освѣтило торжественныя лица сотоварищей. Казалось, и оно, какъ бы удивленное неожиданностію, пріостановилось и любовалось на эту картину.

На томъ мѣстѣ, гдѣ не задолго передъ этимъ пировали разбойники, гдѣ дѣлили между собою золото, серебро и сокровища, гдѣ проливалась кровь

виновныхъ разбойниковъ, теперь тѣ же самые разбойники, распростертые ницъ, смиренно молятъ Создателя о прощеніи грѣховъ.

Ѳомушка, какъ отецъ большаго семейства, стоитъ въ серединѣ торжественно и показываетъ собою примѣръ дѣтямъ своимъ, какъ должно молиться и раскаяваться передъ Творцемъ.

Торжественная, великая минута въ жизни разбойниковъ!

ГЛАВА II.

Радость Вечеслава, Өеодора и Леллии. Обѣщаніе Вечеслава. Благодарность разбойниковъ. Утро.

═

Въ это время всталъ Вечеславъ и, одѣвшись, пошелъ по знакомымъ ему переходамъ на дворъ подышать чистымъ воздухомъ; но увидѣвши, что ворота отворены, вышелъ въ нихъ и

хотѣлъ было идти въ ближнюю рощу, какъ увидѣлъ на зеленой лужайкѣ, ограниченной кругомъ столѣтними деревьями, молящихся разбойниковъ.

Удивленный, простоялъ онъ нѣсколько времени. Потомъ осторожно приближился и сталъ внимательно смотрѣть на лица товарищей. Удивленіе, казалось, болѣе и болѣе изображалось на лицѣ его.

По окончаніи молитвы, товарищи опять радушно обнялись, и Атаманъ, подошедши къ Вечеславу, поклонился низко и сказалъ весело:

» Добрый день, бояринъ! Какъ проводилъ ночъ? Что боярышня здорова ли? «

— Слава Богу! Скажи пожалуйста Ѳомушка, что нынче у васъ за праздники? Вы такъ усердно молились, чего прежде не было.

»Мы молили Бога, чтобы Онъ простилъ грѣши наши и забылъ бы преступленія. Мы поклялись торжественно оставить прежнее ремесло — разбойничество, и хотимъ отправить повинную къ Царю. Онъ вѣрно приметъ раскаяніе наше и проститъ насъ; если же и не проститъ, то мы со смиреніемъ будемъ ожидать окончанія нашей участи и съ раскаяніемъ примемъ наказаніе. Богъ проститъ насъ, и мы будемъ жить счастливо въ вѣчности!«

— Великъ для васъ нынѣшній день! Быть можешъ, онъ первый въ вашей жизни. Теперь я назову тебя и товарищей твоихъ друзьями и обниму васъ торжественно. Какъ обрадуются братъ и сестра!

Вечеславъ обнялъ товарищей.

— Я самъ стану ходатайствовать

за васъ передъ Государемъ, и вѣроятно онъ даруетъ вамъ прощенiе.

Разбойники пали передъ нимъ на колѣна.

Черезъ нѣсколько времени Ѳомушка приказалъ собраться товарищамъ своимъ въ судебной комнатѣ и снести туда всѣ сокровища, которыя хранятся во всѣхъ кладовыхъ.

Потомъ приказалъ приготовить богатый завтракъ для Вечеслава, Ѳеодора и сестры ихъ.

Товарищи его повиновались съ радушiемъ, и въ скоромъ времени подъ вѣтвями столѣтняго клена приготовленъ былъ столъ.

Между тѣмъ проснулась Лелiя и Ѳеодоръ.

» Братецъ!« сказала она, поздоровавшись съ нимъ; » долго ли мы станемъ

жить въ этомъ заточеніи? Въ немъ страшно, ужасно. Я нынче ночь почти не спала; какія-то видѣнія безпрестанно представлялись передъ моими глазами и пугали меня! Боже мой! Я не позабуду никогда этой ночи! Пойдемъ, братецъ, поскорѣе на чистый воздухъ: я не могу болѣе быть подъ такими мрачнами сводами.«

Ѳеодоръ взялъ сестру за руку и повелъ ее по переходамъ къ выходу и напослѣдокъ на дворъ.

Тутъ встрѣтили ихъ Вечеславъ и Ѳомушка.

» Что вы такъ веселы? Подѣлитесь съ нами радостію,« сказала Лелія.

— Чѣму мы веселимся, тому всѣ добрые возрадуются! Ахъ, сестрица! какой торжественный день для Ѳомушки и его товарищей! сказалъ Вечеславъ.

»Развѣ нынче ночью было много добычи! Велика же радость!« сказалъ съ досадною усмѣшкою Өеодоръ.

— Нѣтъ! Өомушка и его товарищи поклялись торжественно оставить разбойничество и предаться правосудію Государя, — сказалъ Вечеславъ.

»Если такъ, то мы радуемся и раздѣлемъ удовольствіе съ вами,« сказалъ Өеодоръ.

— Я приготовилъ вамъ, гости мои, завтракъ. Не угодно ли будетъ вамъ подкрѣпить силы, чѣмъ Богъ послалъ,— сказалъ Өемушка.

Бѣлосельскіе сѣли за столъ.

Өомушка, какъ хозяинъ, началъ ихъ подчивать. По окончаніи завтрака, подано было по большой серебряной стопѣ романеи, и братья, пожелавши хозяину и его сотоварищамъ добраго успѣха, осушили ихъ.

Послѣ того они пошли въ Судебную Палату, куда снесены были богатства изъ всѣхъ подваловъ. Все, что въ продолженіи двадцати лѣтъ было награблено, теперь лежало передъ глазами, въ огромныхъ кучахъ.

Тутъ были брилліантовыя, жемчужныя ожерелья, серги, кольцы, перстни, золото, серебро, драгоцѣнная утварь, богатыя ткани, парча, бархаты; все это составляло привлекательную для корыстолюбца массу.

Прежде это тѣшило Ѳомушку и его товарищей; но теперь они съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на сокровища, омытыя кровью и слезами невинныхъ, погубленныхъ жертвъ.

Товарищи по приказанію заняли свои мѣста, а Ашаманъ сѣлъ на извѣстное уже намъ сѣдалище.

Бѣлосельскіе помѣстились подлѣ него по обѣимъ спюронамъ. Такимъ образомъ началось засѣданіе.

Атаманъ Ѳомушка собралъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить разбойниковъ не плѣняться богатствомъ и, продавши его, вырученныя деньги раздать по церквамъ и монастырямъ.

Желаніе его сбылось. Прежніе корыстолюбцы охотно отдали всѣ свои богатства, чтобы вмѣстѣ съ ними сложить бремя грѣховъ и злодѣяній. Благодѣтельное чувство раскаянія сильно проникло въ сердца ихъ и заставило рѣшительно позабыть зло и прилѣпиться къ добру.

Странно, почти невѣроятно, отъ чего такъ скоро произошла въ нихъ такая разительная перемѣна? Какъ могли хищные звѣри превратиться въ смиренныхъ животныхъ? Можешъ, что

и бываетъ, все имѣетъ предѣлъ. Богъ восхотѣлъ положить предѣлъ ихъ злодѣйствамъ, и торжественная минута раскаянія настала.

Послѣ засѣданія Ѳомушка приказалъ товарищамъ своимъ убрать сокровища и, заложивши три тройки, нагрузить повозки ими; самъ же отправился съ Бѣлосельскими въ рощу и тамъ, на прекрасной лужайкѣ, началъ имъ разсказывать слѣдующее.

⁂

ГЛАВА III.

Разсказъ Ѳомушки.

═

Я былъ шестнадцати лѣтъ въ то время, когда покойный родитель вашъ отправился воевать Татаръ. Матушка ваша осталась безъ него беременна. Боярину, который любилъ ее страст-

но, не хотѣлось оставить ее, и онъ прощался съ ней, проливая обильныя слезы. Всю дворню умолялъ беречь госпожу свою и дорожить ея спокойствіемъ.

Разумѣется, мы всѣ любили ее и поклялись боярину беречь Елисавету Глѣбовну. Батюшка вашъ уѣхалъ, сказавши мнѣ при прощаніи: »смотри, Ѳомка, утѣшай боярыню; живъ возвращусь, награжу тебя.« Я поцѣловалъ его руку и онъ отправился.

Къ боярынѣ стали наѣзжать гости; начались веселости, хотя она и не принимала въ нихъ участія. Бѣдная, каждый часъ все ждала извѣстія о смерти супруга.

Я думаю, вы помните боярыню Ртищеву, любимицу и пріятельницу вашей покойной родительницѣ? Съ ней-то она

проводила дни, дѣлила время; онѣ обѣ были въ одинакомъ положеніи, обѣ отпустили супруговъ своихъ на войну и были беременны.

Всѣ тайны онѣ открывали другъ другу, и часто я слыхалъ, что матушка ваша говорила:

» Ахъ! голубушка моя, Прасковья Власьевна! Что, если бы Богъ далъ мнѣ дочку на утѣшенье, я была бы рада. Я бы не знала, какъ утѣшаться ею; одѣвала бы ее какъ куколку, и выростила бы всѣмъ на удивленіе! «

— А я такъ желаю сынка; дочери мнѣ надоѣли; то ли дѣло мальчикъ! Я бы его стала готовить въ службу Царскую, и росъ бы онъ у меня соколомъ и выросъ бы молодцемъ!—говорила боярыня Ртищева.

Я подслушалъ тайну и рѣшился

исполнить ихъ намѣренія, если судьба не сдѣлаетъ напротивъ.

Вамъ извѣстно также, что бабушка, которая принимала дѣтей у вашей родительницы и Ртищевой, была мнѣ родною теткой. Я сказалъ ей объ тайнѣ, и она запретила мнѣ и думать о такомъ злодѣйствѣ.

Ну! теперь трудно будетъ исполнить мое намѣреніе! думалъ я; но случай представился, и я имъ воспользовался.

У тетки на рукахъ были домашнія птицы: куры, кочаты Русскіе и заморскіе, фазаны и другія. Она какъ-то въ потьмахъ задавила любимаго боярскаго кочета, которымъ онъ восхищался, когда потѣшался кочетовой охотой.

Бѣда тетушки была неминуемая. Бояринъ за этого кочата ничего бы на свѣтѣ не взялъ; онъ любилъ его,

какъ друга, самъ кормилъ его изъ своихъ рукъ, и кочатъ зналъ своего благодѣтеля. Бывало, только лишь бояринъ подойдетъ къ окну, кочатъ встрепенется и прямо сядетъ на плечо его. Рѣшительно моей тетушкѣ оставалось одно: лезть въ петлю, что она и хотѣла сдѣлать, но я не допустилъ ее.

» Тетушка родимая! чѣмъ давиться, давай лучше подымемся на хитрости. Хочешь ли, я освобожу тебя отъ наказанія? « спросилъ я ее.

— Сдѣлай милость, Ѳомушка, пособи горю!

» Пособлю; только ты исполни мою просьбу! «

— Изволь, голубчикъ, какую тебѣ угодно.

» Я прошу о томъ, что если родится сынъ у нашей боярынѣ, а у

Ртищевой дочь, то перемѣни ихъ. Все равно! Онѣ не будутъ этаго знать и станутъ любить, какъ дѣтей своихъ. Если хочешь, тетушка, то я согласенъ; если же не сдѣлаешь этаго, то я, какъ пріѣдетъ бояринъ, все разскажу ему, и даже о томъ, что хотѣла давиться.

Старуха моя струсила; я еще болѣе сталъ стращать ее, и наконецъ рѣшилась: если у боярыни родится сынъ, то подмѣнить его дѣвочкой; а я взялся избавить ее отъ наказанія за смерть кочата.

Между тѣмъ время шло, и напослѣдокъ наступили родины. Судьба мнѣ благодѣтельствовала. Боярыня наша и Ртищева родили въ одно время, и первая сына, а послѣдняя дочь. Старуха, моя тетушка, испугалась, прибѣжала

ко мнѣ и сказала объ этомъ; я ей напомнилъ объ обѣщаніи и о кочатѣ.

Боярыня Ртищева въ это время гостила у насъ, и потому теткѣ моей не трудно было сдѣлать подлогъ.

»Чѣмъ порадуешь меня Василиса?« спросила рожаница боярыня моя у теткѣ.

— Дочкой, матушка Елисавета Глѣбовна, — сказала она и подала младенца на руки. Добрая боярыня со слезами сердечнаго умиленія смотрѣла на плодъ любви своей и трепетною рукою благословила младенца; и тогда замыслъ мой былъ оконченъ.

Точно то же происходило и у Ртищевой. Она торжественно, радостно поцѣловала младенца и назвала его милымъ, несравненнымъ именемъ—сыномъ.

Боярыня наша дочь свою назвала Людмилой, а Ртищева сына Николаемъ.

— Стало быть, Людмила не сестра намъ? — спросилъ торжественно Өеодоръ.

»Нѣтъ! Но дослушайте разсказъ!« продолжалъ Өомушка.

— Сколько не слушай, лучше пріятнѣе этаго не услышишь!—прибавилъ Өеодоръ и поцѣловалъ руку у прежней сестры своей. Она ему тихо, едва чувствительно пожала руку, и это пожатіе, какъ электрическая искра, потрясло сердце Өеодора; оно опять загорѣлось страстною, неугасаемою любовію.

Вечеславъ спросилъ Өомушку съ любопытствомъ:

— Гдѣ же братъ нашъ?

» Дослушайте разсказъ. «

По прошествіи шести недѣль, боярыня сдѣлала большой великолѣпный пиръ, на которомъ были всѣ родные и знакомые. Хозийка была весела; ра-

душно угощала гостей и старалась какъ бы перелить въ каждаго изъ посѣтителей радость, которую чувствовала она сама. Къ большей же радости, батюшка вашъ неожиданно возвратился съ войны и принесъ извѣстіе о совершенномъ пораженіи враговъ нечестивыхъ. Тогда-то началось пированіе, которое продолжалось три дни.

Для такой радости бояринъ простилъ меня за кочата.

Такимъ образомъ все пошло дѣло по дѣлу. Время не видимо, не примѣтно неслось; годы утекали, и прошло уже пять лѣтъ. Боярышня Людмила выростала и восхищала собою всѣхъ, кто зналъ ее. Она была чудной красоты и обѣщала много удовольствій въ будущемъ.

Братъ же вашъ Николай на четвертомъ году умеръ отъ оспы и былъ

оплаканъ матерію и нашей барыней — матерью настоящею. Ея сердце какъ будто чувствовало: она плакала о немъ, какъ о родимомъ.

Ты, Вечеславъ Юрьевичь, долженъ помнить сестрицу свою; тебѣ ужъ было тогда лѣтъ десять, или больше; Ѳеодоръ Юрьевичь не могъ помнить, потому что былъ слишкомъ малъ.

— Точно ли это правда, что Людмила не сестра намъ?—спросилъ Вечеславъ.

» Вѣрно, истинно. Старуха, тетка моя, передъ смертію призналась въ подлогѣ господамъ, и они ее простили. Людмилу же Юрьевну продолжали называть своею дочерью. Я помню, часто бывало покойная родительница любовалась игрою Ѳеодора и Людмилы и говаривала съ наслажденіемъ: » Быть можетъ, придетъ пора, они

и большіе станутъ жить такъ ладно и забавляться на игру своихъ собственныхъ дѣтей, какъ я теперь любуюсь ими. «

» Вотъ слова вашей матушки и конецъ моего разсказа. Вотъ важная тайна, которая примирила меня съ совѣстію. Я теперь передъ вами, что хотите, то со мною и дѣлайте; я все съ терпѣніемъ перенесу, « сказалъ Ѳомушка.

Ѳеодоръ, вмѣсто отвѣта, кинулся на шею старика и началъ радостно цѣловать его; потомъ палъ на грудь къ брату и также облобызалъ его.

Людмила радостно смотрѣла на эту сцену и потомъ, какъ бы съ благоговѣніемъ, пала на колѣни передъ Вечеславомъ, и поцѣловавши его руку, сказала:

» Ты старшій намъ; будь же нашимъ

благодѣтелемъ, отцемъ; мы полюбимъ тебя еще большею любовью, когда своими назиданіями будешь предохранять насъ.«

Вечеславъ поднялъ Людмилу, и соединивъ руки ее и Ѳеодора, сказалъ:

— Вы были друзьями въ младенчествѣ, будьте же друзья и во всю жизнь!

*

ГЛАВА IV.

Слѣдствіе нападенія Вечеслава на замокъ Князя Исака. Мщеніе его. Ханъ. Совѣты Исака. Грамота къ Царю. Извѣстіе о заговорѣ въ Касимовѣ. Предпріятіе Вечеслава. Посольство Касимовскаго Хана къ Царю Казанскому. Помощь. Открытіе бунта.

═

Произшествее, случившіеся въ замкѣ Князя Исака, быстро распространилось между жителями Касимова и потрясло ихъ спокойствіе. Многіе начинали уже позабывать о набѣгахъ Атамана Соко-

ла, какъ новый случай показалъ, что должно его опасаться.

Касимовцы только и говорили о томъ, какъ бы избавиться отъ разбойниковъ.

Князь Исакъ, развязаный своими невольниками, поспѣшилъ къ Хану и разсказалъ все случившееся. Ханъ, можетъ, не принялъ бы такого участія въ судьбѣ Исака, если бы онъ не сказалъ ему: »что между многими сокровищами похищена прелестная красавица, которая была бы единственною въ гаремѣ твоемъ, Ханъ; я ее назначилъ въ подарокъ тебѣ. Да, Государь, если бы видѣлъ ты ее, то кончено не пожалѣлъ бы ничего, только бы достать ее. Кто съ ней сравниться можетъ? Клянусь Магометомъ, я подобной не видывалъ красавицы!«

Такъ говорилъ Исакъ, и Ханъ поклялся истребить Атамана Сокола, какъ только пришлется ему помощь изъ Москвы.

На это мнѣніе Исакъ отвѣчалъ слѣдующее:

— За чѣмъ, Государь, намъ дожидаться помощи отъ Царя Русскаго? Не лучше ли послать къ Хану Казанскому? Онъ нашъ единовѣрецъ, и вѣроятно не захочетъ оставить насъ въ опасности. Рано ли, поздно Касимовъ не будетъ принадлежать Русскимъ. Поспѣши, ускори это время; освободи его изъ подданства Русскихъ, и тогда имя твое будетъ памятно потомкамъ; они станутъ прославлять его.

» Можемъ ли противустать непріятелю, во много разъ сильнѣйшему? Онъ надвинитъ войска свои и задавитъ

насъ такъ, что мы ужъ болѣе и не оживемъ,« сказалъ Ханъ.

— Это еще неизвѣстно. Сперва должно снестись съ Казанскимъ Ханомъ, и потомъ приступить къ рѣшительному дѣлу. По моему мнѣнію, лучше погибнуть, нежели жить въ неволѣ,— сказалъ Князь.

» Повѣрь, что я желаю благоденствія отечеству, и постараюсь употребить всѣ силы, чтобы укрѣпить его. Я пошлю посла къ Царю Казанскому и буду просить его о помощи. Быть можетъ, мы и успѣемъ въ намѣреніи нашемъ. «

Такъ преступный вельможа, страшась справедливаго возмездія за противузаконные поступки отъ Государя своего, старался взбунтовать вассала его и погубить соотечественниковъ.

Касимовъ былъ въ то время и Хан-

ствомъ, но могъ ли равняться силою съ могущественною Россіею?

Ѳомушка на приготовленныхъ повозкахъ отправилъ все богатство, всѣ сокровища въ Касимовъ, къ купцу, съ которымъ онъ и прежде имѣлъ дѣло.

Дня черезъ три онъ возвратился и привезъ съ собою множество золотыхъ и серебреныхъ денегъ. Эти деньги онъ назначилъ для раздачи по монастырямъ и по церквамъ.

Въ продолженіи этаго времени, Вечеславъ былъ также въ Касимовѣ и узналъ о злоумышленіи. Объ этомъ онъ тотчасъ послалъ извѣстіе въ Москву, въ которомъ онъ помѣстилъ, гдѣ онъ теперь находится. Ѳомушка также узналъ объ этомъ и приказалъ молодцамъ своимъ наѣзжать въ Касимовъ и привозить извѣстія.

Недѣли двѣ не получалось почти никакихъ замѣчательныхъ извѣстій ни изъ Касимова, ни отъ В. Князя изъ Москвы. Въ началѣ третьей, посланный Вечеславомъ возвратился и принесъ грамоту, изъ который Вечеславъ узналъ, что Государь приказываетъ ему захватить Атамана Сокола и представить въ Москву; возмущенія же Касимовцевъ онъ постарается утишить.

Вечеславъ скрылъ приказаніе Царя и сказалъ только о второмъ извѣстіи.

Почти въ то же время возвратились наѣздники Атамана и объявили, что Касимовцамъ пришло войско изъ Казани и что самъ Ханъ намѣренъ объявить Касимовъ независимымъ; въ противномъ случаѣ открыть военныя дѣйствія противъ Царя Русскаго.

Вечеславъ удалился съ Ѳомушкою въ уединенную комнату и началъ съ

нимъ разсуждать о настоящихъ обстоятельствахъ.

»Сколько у тебя всего народу?« спросилъ онъ.

— Сто тридцать человѣкъ.

»Всѣ ли они годятся въ дѣло?

— Всѣ молодцы; на тысячу пойдутъ.

»Если у нихъ оружіе?«

— Есть много. Еще можно вооружить ста два.

»Если такъ, то мы нападемъ на Касимовъ и усмиримъ его. Крѣпокъ ли твой зàмокъ?«

— Крѣпокъ. Но за чѣмъ это?

»Мы заставимъ Хана напасть на насъ и подлѣ стѣнъ его погубимъ. Я на время буду хозяиномъ. Прикажи, чтобы твои товарищи мнѣ повиновались.

— Я и самъ дѣлаюсь рабомъ тво-

имъ. Повелѣвай мною. Все и всѣ къ твоимъ услугамъ.

Немедленно Ѳомушка отдалъ приказъ, чтобы всѣ его прежніе сотоварищи теперь повиновались Вечеславу Юрьевичу Бѣлосельскому.

Вечеславъ въ тотъ же день приказалъ собраться всѣмъ въ судебной залѣ и сказалъ самъ о намѣреніи напасть на Касимовъ и усмирить его.

Товарищи съ удовольствіемъ приняли предложеніе Вечеслава. Они хотѣли показать свою приверженность къ В. Князю.

Вечеславъ приказалъ имъ готовить оружіе, наполнить рвы водою и набить еще болѣе въ нихъ свай; также починить стѣны и башни. Осмотрѣлъ весь зȁмокъ и началъ приводить его въ вооруженное состояніе.

Ѳомушка былъ самымъ послушнѣйшимъ рабомъ; даже старался предупреждать всѣ его желанія.

Такимъ образомъ Вечеславъ готовился внезапно напасть на Касимовъ и нанести ему чувствительный ударъ.

И Ханъ также готовился. Войско, пришедши на помощь изъ Казани, возбудило въ немъ твердую надежду воспротивиться В. Князю. У него было приготовлено до тысячи всадниковъ. Сверхъ того онъ надѣялся вооружить всѣхъ жителей Касимова. Недѣли двѣ продолжалась еще тишина; напослѣдокъ окрестности Касимова, занятыя Русскими, запылали, и полилась кровь.

Вечеславъ узналъ объ этомъ, и осмотрѣвши своихъ воиновъ, отправился съ ними ночью къ Касимову. Людмила, оставшись въ за̀мкѣ, подъ покровительствомъ своего возлюбленнаго Ѳео-

дора, которому поручилъ Вечеславъ пятьдесятъ человѣкъ для сохраненія за̀мка, усердно молилась Богу, чтобы сохранилъ отца ея Вечеслава́ и прекратилъ напрасно проливаемую кровь.

Ѳеодоръ свободное время проводилъ съ нею въ пріятныхъ разговорахъ о будущемъ семейномъ счастіи и даже иногда осмѣливался лобызать свою подругу въ медовыя уста, обѣщавшія пылкое, страстное наслажденіе.

Онъ почиталъ себя счастливымъ; и въ самомъ дѣлѣ, кто не позавидывалъ бы ему, имѣвшему такое сокровище, какова была прелестная, несравненная Людмила?

❋

ГЛАВА V.

Оврагъ подлѣ Касимова. Мнѣніе о немъ Касимовцевъ. Вечеславъ подлѣ Касимова. Неожиданное его нападеніе на вспомогательное войско Казанское. Пожары. Страхъ Касимовцевъ. Пораженіе Ханскаго войска. Его отчаяніе. Гнѣвъ Хана на Князя Исака. Смерть Исака. Возвращеніе Вечеслава съ побѣдою.

═

Подлѣ самаго Касимова есть и нынѣ большой, глубокій оврагъ, въ половодье наполняющійся изъ Оки водою.

Въ то время, когда случились описываемыя мною происшествія, въ немъ

росли столѣтніе дубы, ели и сосны. Глубокое дно его поростало высокою, густою травою.

Никто изъ Касимовцевъ не смѣлъ спускаться въ него, опасаясь змѣй и другихъ гадовъ, которые будто бы наполняли собою глубину оврага, или таились подъ корнями деревьевъ.

Вечеславъ, узнавши отъ своихъ товарищей, что Ѳомушка иногда оставлялъ часть товарищей въ этомъ оврагѣ и что въ немъ нѣтъ змѣй, раздѣлилъ дружину свою на двѣ части и одну посадилъ въ этомъ оврагѣ, чтобы въ опасномъ случаѣ ею воспользоваться. Самъ же съ другою частію тайно ночью вошелъ въ Касимовъ, зажегъ его во многихъ мѣстахъ и то зданіе, гдѣ помѣщались присланныя воспомогательныя войска.

Пожарное пламя разлилось мгновенно, и страхъ Касимовцевъ заставилъ покинуть постели. Въ смущеніи бѣгали они, кричали по улицамъ и не знали, что имъ начать дѣлать. Вечеславъ между тѣмъ быстро напалъ на Татарскихъ всадниковъ, которые старались утушить пламя, и началъ съ ними битву.

Отъ испуга они только кричали: пощадите! и кидались въ сторону. Вѣсть, что Русское войско пришло въ Касимовъ для усмиренія возмущенія, мгновенно распространилась по городу; и тогда многіе изъ жителей, рѣшившись умереть, поспѣшно вооружились и кинулись къ сражающимся.

Если бы не пожары, то по темнотѣ ночи не льзя было бы сражаться.

Ханъ и Князь Исакъ также вооруг-

жили нѣсколько сотъ Татаръ и послали ихъ на помощь.

Тогда-то начался жестокій и неровный бой. У Вечеслава было только сорокъ человѣкъ, между тѣмъ какъ противниковъ было гораздо болѣе.

Битва продолжалась долго.

Самъ Вечеславъ, какъ Ангелъ истребитель, поражалъ противниковъ и клалъ ихъ подлѣ себя кучами.

Татары въ неистовствѣ напирали на него и старались поразить; но тщетны были ихъ старанія. Бѣлосельскій мастерски рубился и отстранялъ удары.

Такъ продолжалось долго, и успѣхъ еще не оканчивалъ дѣло.

Напослѣдокъ Вечеславъ, желая рѣшить битву, послалъ гонца къ оставшимся въ оврагѣ съ приказомъ спѣ-

шить имъ на помощь. Ими начальствовалъ самъ Ѳомушка, привыкшій къ нимъ и умѣвшій управлять ими.

Тогда, какъ битва оканчивалась уже въ пользу Касимовцевъ, Ѳомушка съ крикомъ, съ шумомъ напалъ съ своими товарищами. Противники дрогнули, смѣшались, а предводители малаго числа ратниковъ съ новою бодростію кинулись и поражали во множествѣ.

Татары кидали оружіе, падали другъ на друга, воображая, что нѣсколько тысячь гонятся за ними. Ѳомушка наводилъ на нихъ ужасъ. Въ продолженіи двадцати лѣтъ онъ привыкъ поражать противниковъ; рука его была вѣрна, не измѣняла. Его товарищи также не уступали въ искусствѣ своему повелителю. И такимъ образомъ малое число отважныхъ сдѣлало то, что вспомогательное войско, присланное изъ

Казани, погибло, а собственно Касимовское не могло противустать имъ.

Ханъ Касимовскій былъ въ большомъ страхѣ и отчаяніи; погибель его была неизбѣжна.

Князь Исакъ также струсилъ и въ смущенномъ видѣ пришелъ къ Хану.

Суровый видъ встрѣтилъ его.

Грозны были глаза Хана; губы посинѣлыя дрожали, голосъ его былъ дикъ и прерывистъ.

— Ты погубилъ меня, несчастный рабъ мой! Бѣда тому властелину, который имѣетъ такихъ, какъ ты, совѣтниковъ! Погибель моя и Касимова начнется твоею гибелью! — говорилъ Ханъ.

Исакъ хотѣлъ было оправдываться; но Ханъ крикнулъ грозно, и онъ долженъ былъ замолчать. Въ то самое вре-

мя пожарное пламя обхватило зданіе, въ которомъ жилъ Исакъ.

» Гори, гори мое жилище! Не доставайся ни кому! Владѣлецъ твой не переживетъ погибели твоей! « сказалъ Исакъ отчаяннымъ, неистовымъ голосомъ.

Ужасная ночь для Касимова начала постепенно подымать свой мрачный покровъ. Заалѣлъ восточный край неба, и лучи солнца начинали постепенно золотить верхи Касимовскихъ зданій.

Вечеславъ и Ѳомушка положились поджечь еще дворецъ Ханскій и потомъ возвратиться въ свой зàмокъ. Такъ и сдѣлано.

Когда Ѳомушка приближался ко дворцу, съ намѣреніемъ поджечь его, то онъ увидѣлъ посреди двора висѣлицу и на ней какого-то старика.

Всматриваясь въ черты лица повѣшеннаго, онъ узналъ въ немъ Исака, нѣкогда страшнаго и сильнаго вельможу. Ханъ исполнилъ свое намѣреніе; виновникъ гибели его владычества, Касимовскаго Ханства, первый погибъ, первый показалъ путь къ гибели!

Ѳомушка, поджегши дворецъ, возвратился къ Вечеславу и разсказалъ ему о видѣнномъ.

Съ побѣдою и радостію возвратились они въ свой пріютъ. Съ распростертыми объятіями принялъ ихъ Ѳеодоръ, съ привѣтною, радостною улыбкою встрѣтила ихъ прелестная Людмила.

Пріятно было свиданіе друзей послѣ кратковременной, но опасной разлуки.

*

ГЛАВА VI.

Слѣдствіе нападенія Вечеслава и Ѳомушки на Касимовъ. Отчаяніе Хана. Извѣстіе Хана о нападеніи разбойниковъ. Проклятіе. Намѣреніе истребить Атамана Сокола. Страхъ и опасеніе Людмилы. Разговоръ Бѣлосельскихъ и Ѳомушки.

═

Товарищи Вечеслава и Ѳомушки нанесли жестокое пораженіе Касимовскому Хану. Изъ всего его войска осталась только третья часть и то раненыхъ и увѣчныхъ.

Почти половина Касимова выгорѣла. Дворецъ Ханскій, лучшія зданія вельможей и мечети погибли; множество жителей пострадали отъ пожара.

Ханъ въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать; безпрестанно ожидалъ, что придутъ за нимъ воины Московскіе и повѣсятъ его.

Однакожъ нѣкоторые изъ Касимовцевъ узнали, что въ числѣ непріятелей находились и разбойники Атамана Сокола. Это извѣстіе дошло до Хана, и онъ поклялся, во что бы ни стало, истребить ихъ.

Вечеславъ на другой день приказалъ всѣмъ собраться въ Судебной Палатѣ, для того, чтобы узнать, сколько на лицо осталось его воиновъ.

Къ бо́льшему удовольствію нашелъ онъ, что весьма мало изъ нихъ ранено

и только пятеро убито. Малая потеря показала ему, что съ такими воинами храбрыми, отважными можно противустать сильнѣйшему войску.

Распорядившись въ нужномъ, онъ занялся больными, старался помочь имъ; но они сами знали очень хорошо силу нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ, и какая отъ нихъ польза.

Такимъ образомъ совершено было нападеніе на бунтовщиковъ, и прежніе разбойники своею кровію и храбростію искупили часть своихъ злодѣйскихъ поступковъ.

Вечеславъ съ братомъ и Людмилою вмѣстѣ проводили остатокъ дня, и первый разсказывалъ послѣднимъ о сраженіи. Съ ужасомъ внимала Людмила разсказамъ брата, когда онъ описывалъ смерть тяжело раненыхъ; со слезами

благодарила Бога за сохраненіе любезнаго ей благодѣтеля и наставника.

Θеодоръ съ удовольствіемъ внималъ брату, и огонь мужества искрился въ глазахъ его.

Передъ вечеромъ пришелъ къ нимъ Θомушка.

» Я вамъ принесъ извѣстіе. Ханъ узналъ, что мы нанесли ему такую опасность, и хочетъ погубить насъ, истребить нашъ за̀мокъ,« сказалъ онъ, садясь подлѣ Вечеслава.

— Мы станемъ ждать его. Развѣ мало ему досталось отъ насъ? Неужели онъ еще хочетъ болѣе погубить и себя и своихъ подданныхъ? Если такъ, то пусть его идетъ къ намъ; я надѣюсь, что рвы, которые окружаютъ нашъ за̀мокъ, будутъ многимъ изъ его воиновъ могилою,—говорилъ Вечеславъ.

— Боже Мой! мы находимся еще въ опасности; враги окружатъ насъ и принудятъ погибнуть! Өеодоръ, будь всегда со мною; если назначено умереть намъ, то умремъ вмѣстѣ! говорила испуганная Людмила.

» Вы можете быть совершенно въ безопасности. Я вамъ найду такую потаенную комнату, что никто васъ не отыщетъ. Въ случаѣ же нашей погибели и пожара зȁмка, я оставлю съ вами одного старшаго моего товарища, который проведетъ васъ лѣсомъ до дороги въ Москву. Эта дорога однимъ намъ извѣстна; слѣдовательно ты, Людмила Юрьевна и твой Өеодоръ Юрьевичь, будете во всякомъ случаѣ въ безопасности,« говорилъ Өомушка.

— А Вечеславъ? Не-уже-ли ты думаешь, что растанемся съ нимъ? Развѣ жизнь его для насъ не драгоцѣнна?

Развѣ намъ мало значитъ потерять его? О! нѣтъ, Ѳомушка, я его столько же люблю, какъ и Ѳеодора! — говорила Людмила.

»Надѣйся на Бога, сестрица: Онъ поможетъ; начатое должно совершить!« сказалъ Вечеславъ.

— Я отъ васъ не отстану! Развѣ мнѣ прилично оставлять васъ въ томъ случаѣ, когда угрожаетъ опасность? Нѣтъ, я пойду на стѣны, сражусь съ непріятелемъ и возвращусь съ побѣдою къ моей несравненной Людмилѣ. Тогда и она на меня привѣтнѣе взглянетъ и подаритъ ласковою улыбкою. Не правда ли, Лелинька?« — говорилъ Ѳеодоръ.

— Неправда! — отвѣчала Людмила.

— »Какъ такъ?« — спросилъ Ѳеодоръ съ недоумѣніемъ.

— Да; ты мнѣ милъ и безъ побѣды. Не-уже-ли ты думаешь, что мнѣ пріятно будетъ встрѣчать облитаго кровію! О милый, любезный Ѳеодоръ! Останься со мною и будь моимъ защитникомъ!—говорила Людмила.

» Не спорьте, друзья мои; безъ нужды не надобно вдаваться въ опасность. Вы будете вмѣстѣ. Ты, Ѳеодоръ, останешься съ Людмилой и будешь утѣшать и уговаривать: совѣты друга всегда бываютъ сладостны, утѣшительны! « говорилъ Вечеславъ.

*

ГЛАВА VII.

Утро слѣдующаго дня. Нападеніе Татаръ на замокъ Атамана Сокола. Битва. Пораженіе. Поединокъ Сокола съ предводителемъ Ханскихъ войскъ. Искусство соперниковъ. Гибель одного изъ нихъ. Тишина въ замкѣ послѣ битвы.

═

На другой день рано утромъ проснулся Вечеславъ и, одѣвшись, пошелъ осматривать стѣны и рвы. Въ скоромъ времени и всѣ живущіе въ зàмкѣ проснулись.

Лишь только Людмила спала одна въ своей отдѣльной комнатѣ. Ѳеодоръ стоялъ подлѣ дверей и посматривалъ тайкомъ въ щель, чтобы узнать, что дѣлаетъ Людмила. Я не знаю, видѣлъ ли онъ что нибудь, только примѣтно было, что лице его мѣнялось и что онъ трепеталъ....

Не поднялось еще солнце высоко, какъ толпы Татарскихъ наѣздниковъ появились кругомъ за́мка. Ихъ крикъ возвѣстилъ жившимъ въ немъ, что они осаждены.

Вечеславъ и Ѳомушка скоро собрали свою отважную дружину и размѣстили ее по мѣстамъ.

Татары старались забраться на стѣны, и потому строили лѣстницы и дѣлали насыпи.

Между тѣмъ Вечеславъ накаталъ множество бревенъ на стѣну. Тогда,

какъ Татары приступили къ стѣнамъ, то Вечеславъ покатилъ на нихъ бревны и они, падая, давили ихъ.

Тогда пошла сумятоха.

Татары кинулись назадъ отъ стѣнъ и многіе изъ нихъ попадали въ рвы.

Предводитель ихъ, любимецъ Хана, старался разгорячить своихъ воиновъ; но они не внимали словамъ его и не смѣли подступиться къ стѣнамъ.

Такъ шло время.

Ѳомушка даже соскучился такою скучною битвою и выпросился съ своими молодцами у Вечеслава потѣшиться, пошутить съ Ханскими удальцами.

Вечеславъ отпустилъ ихъ.

Вышли они изъ воротъ и пустились быстро на противниковъ.

Тогда-то началось дѣло.

Предводитель Татаръ рубился мастерски; напалъ быстро на Ѳомушку

и завязалъ съ нимъ жестокую сѣчу. Посмотрите, полюбуйтесь, какъ дерутся они. Какъ быстры ихъ движенія! Какъ неожиданны удары мечей ихъ! О! если вы увидѣли бы, то сказали бы, что дока на доку нашелъ!

Нѣсколько времени продолжалась битва съ равнымъ ожесточеніемъ; съ противниковъ капалъ кровавый потъ, но сила ихъ, удары мечей ихъ и движеніе рукъ не истощились. Казалось, они цѣлый день не перестанутъ, цѣлый день не одолѣютъ другъ друга. Нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ они отступили другъ отъ друга и, склонившись на мечи свои, стояли долгое время и отдыхали.

Между тѣмъ товарищи Ѳомушки продолжали съ успѣхомъ сраженіе. Много было убито и ранено непріятелей.

Герои наши опять сошлись.

Опять началась битва съ новымъ ожесточеніемъ.

Трудно рѣшить, кто одолѣетъ. Оба они мастерски рубились; оба казались равносильны, не смотря на то, что Ѳомушкѣ было слишкомъ шестьдесятъ, а сопернику двадцать пять лѣтъ.

Наконецъ, конецъ насталъ.

Битва окончилась....

Одинъ изъ соперниковъ восторжествовалъ; то былъ.... Ѳомушка.

Ѳомушка ранилъ соперника въ грудь, подъ самое сердце, и онъ упалъ, застоналъ—и потомъ утихъ на вѣчно!..

Татары, видя смерть своего начальника, смѣшались и побѣжали; за ними кинулись товарищи. Къ полудню все кончилась. Тишина въ зàмкѣ опять возстановилась, и Ѳомушка съ своими товарищами праздновалъ побѣду.

— Кончилось ли сраженіе?—спросила Людмила у входящаго Вечеслава.

— Мы побѣдили врага. Они или истреблены, или убѣжали; плѣнниковъ не надобно. Я теперь хочу вторично напасть на Касимовъ и принудить Хана смириться передъ Русскимъ Царемъ. Если же не согласится, то я его возьму въ плѣнъ и доставлю къ Царю. Какъ ты думаешь, Ѳомушка, быть ли этому, посовѣтуй мнѣ?—говорилъ Вечеславъ.

» Прикажи только, и я и товарищи готовы итти, хоть подъ самую Казань, не только на Касимовъ. Завтра же пойдемъ туда и предавимъ бунтовщиковъ! « говорилъ Ѳомушка, при послѣднихъ словахъ ударивши по мечу кулакомъ.

— Опять вы хотите проливать кровь. Мало ли вы пролили ее! По-

смотрите на себя: вы всѣ въ крови! Какъ это ужасно! — говорила Людмила.

» Того требуютъ обстоятельства. Мы должны услужить Царю, чтобы онъ простилъ Ѳомушку и его товарищей. Ты жалѣешь тѣхъ, которые враги намъ, которые нападаютъ на наши селы и убиваютъ безъ пощады намъ родимыхъ собратій! Нѣтъ, Людмила, враговъ, завистниковъ нашего счастія, должно истреблять. «

— Ты думаешь, Людмила, что я не бывалъ въ сраженіяхъ? Нѣтъ! была пора, я рубился съ ними, какъ дикій звѣрь и мечь Ѳеодора Бѣлосельскаго былъ страшенъ врагамъ. Не одинъ разъ бѣжали они отъ меня; не одинъ разъ они падали кругомъ меня грудами, и я торжествовалъ побѣду! « говорилъ Ѳеодоръ.

— Не-уже-ли ты, другъ мой, не щадилъ свою молодость и подвергалъ ее опасности?—говорила Людмила.

» Когда отечество требуетъ сыновъ для своей защиты, тогда какое сердце не встрепенется и не заставитъ позабыть обо всемъ на свѣтѣ? Любовь къ отечеству сильнѣе всякой иной любви! Я это испыталъ! « говорилъ Ѳеодоръ.

— Не-уже-ли ты и меня забылъ бы и оставилъ, меня, свою Людмилу, которая тебя такъ нѣжно любитъ?—сказала Людмила такимъ голосомъ, который проникаетъ въ сердце и заставляетъ трепетать его.

» Скажу рѣшительно: оставлю и тебя и пойду на поле битвы спасать родину, отечество, которое всякому милѣе всего на свѣтѣ! Пойми, мой

другъ, что̀ такое отечество, что́ такое любовь къ родинѣ, и ты скажешь, что она ни съ чѣмъ не можетъ сравниться! Ты сама, если бъ была мужчиной, покинула бы семейство и принесла бы въ жертву послѣднюю свою каплю крови. Правда, Людмила, трудно, тягостно было бы это пожертвованіе! говорилъ Ѳеодоръ.

— Везите же скорѣе меня на родину. Я хочу видѣть ее и поцѣловать ту землю, въ которой покоится прахъ моихъ родителей и праотцевъ! Скоро ли настанетъ это время? Когда я увижу опять Москву; тотъ кровъ, въ которомъ жила я въ младенчествѣ; тотъ садъ, гдѣ я гуляла съ родителями? О! скоро ли я увижу тебя, моя родина любезная? Когда нога моя ступитъ на привѣтную землю, когда очи мои увидятъ родныхъ собратій?—гово-

рила Людмила, и глаза ея были полны слезъ.

»Если Богъ намъ поможетъ привести къ окончанію дѣло наше, то мы черезъ недѣлю, много двѣ отправимся въ Москву!—говорилъ Вечеславъ.

— Привидетъ ли милосердый Творецъ увидѣть мнѣ отечество мое, мою родину? Давно, давно мысли мои туда стремятся! Оставилъ я ее невиннымъ юношею, а возвращусь преступникомъ! Если Царь проститъ меня, помолюсь Московскимъ Чудотворцамъ и уйду далеко, далеко, туда, гдѣ вѣчные снѣга покрываютъ землю, гдѣ непогоды и вьюги безпрестанны. Тамъ я окончу остатокъ жизни!

» Кто знаетъ, кому опредѣлено гдѣ умереть? Быть можетъ, что смерть наша не за горами, а за плечами, « сказалъ Вечеславъ.

— Правда, Вечеславъ Юрьевичь; наши предположенія далеки, а дни коротки! сказалъ Ѳомушка.

☼

ГЛАВА VIII.

Смиреніе Хана. Грамота Вечеслава къ Царю Московскому. Радость Бѣлосельскихъ. Отвѣтъ на грамоту. Милость Царя. Молитвы товарищей. Благодарность Хана. Отъѣздъ Бѣлосельскихъ и Ѳомушки. Истребленіе пріюта разбойниковъ. Возвращеніе на родину. Свадьба. Веселости.

═

Дня черезъ три Вечеславъ отправился въ Касимовъ къ Хану для того, чтобы склонить его къ тишинѣ и къ спокойствію.

Ханъ былъ встревоженъ извѣстіемъ

о смерти его любимца и о пораженіи войскъ, на которыхъ оставалось только и надежды: воспомогательное было уже истреблено.

Со смиреніемъ выслушалъ онъ слова Вечеслава, въ которыхъ изобразилъ онъ всю гнусность преступленій бунтовщикъ, и наконецъ представилъ ему жестокость наказанія, которое слѣдуетъ за это преступленіе.

Ханъ палъ на колѣни передъ Бѣлосельскимъ и просилъ пощады. Вечеславъ обѣщался испросить ему прощеніе у Царя.

Такимъ образомъ спокойствіе въ Касимовѣ возстановлено, и Вечеславъ съ товарищами доказалъ, что не множество, а храбрость и отважность имѣютъ перевѣсь на полѣ брани.

Вечеславъ, возвратившись изъ Касимова въ свой замокъ, принесъ живу-

щимъ въ немъ пріятное извѣстіе о смиреніи Касимовскаго Хана.

Людмила была рада тому, что прекратилась проливаться кровь. Ѳеодоръ надѣялся скоро возратиться въ Москву, чтобы сочетаться законнымъ бракомъ съ прекрасною Людмилою.

Ѳомушка также ожидалъ помилованіе отъ Царя за содѣйствіе къ прекращенію мятежа въ Касимовѣ.

Такъ, побѣду и возстановленіе тишины и спокойствія въ Касимовѣ, въ зѣмкѣ праздновали торжественно.

Вечеславъ между тѣмъ писалъ грамоту или донесеніе къ Царю объ окончаніи дѣла и старался въ ней высказать усердіе Атамана Ѳомушки и его товарищей.

Дня черезъ четыре онъ послалъ гонца въ Москву съ грамотою.

Въ продолженіи недѣли было много веселостей въ замкѣ. Ѳеодоръ всячески старался утѣшать свою будущую супругу; она съ своей стороны, видя его внимательность, оказывала ему болѣе и болѣе нѣжности и расположенія.

Часто она, прогуливаясь съ нимъ по утру, разсказывала ему сонъ, и этотъ сонъ былъ пріятенъ для Ѳеодора. Онъ доказывалъ, что расположеніе Людмилы проникло во всѣ ея чувства, наполнило ихъ однимъ желаніемъ: сочетаться бракомъ и жить счастливо, безмятежно въ семейномъ кругу.

Иногда, впрочемъ это случалось рѣдко, Ѳеодоръ, воспаленный словами красавицы, ея пылкими взглядами, осмѣливался подругу свою прижимать къ воздымающейся груди и напечатлѣть сладкій, ни съ чѣмъ несравнимый поцѣлуй. О! какъ онъ иногда былъ сча-

стливъ! За поцѣлуй въ уста Людмилы онъ отдалъ бы все, что только было драгоцѣнно для него на свѣтѣ!

Онъ не взялъ бы золотыхъ горъ за этотъ поцѣлуй. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли промѣнять поцѣлуй любимой красавицы на что нибудь въ мірѣ?

Черезъ недѣлю полученъ отвѣтъ на грамоту Вечеслава.

Царь, за прекращеніе возмущенія бунта въ Касимовѣ, наградилъ Бѣлосельскаго золотою гривною и помѣстьемъ въ пять сотъ душъ подлѣ Москвы. Ѳомушку и его товарищей простилъ и забылъ всѣ ихъ преступленія за содѣйствія и повелѣвалъ имъ избрать родъ жизни.

Съ радостію на лицѣ и въ сердцѣ прочиталъ грамоту отъ Царя своимъ сотрудникамъ. И каково было торже-

ство ихъ? Съ чѣмъ его сравнить? И какъ его выразить?

Ѳомушка, услыхавши, что Царь его прощаетъ, палъ на колѣни и долго, долго со слезами молился за здравіе Царя милосердаго, за православную Русь, за ея благоденствіе и прощеніе грѣховъ своихъ!

Товарищи слѣдовали его же примѣру; молились усердно Творцу и были радостны.

Братски, дружески обнимались они въ знакъ раскаянія; согласились наложить на себя строгій постъ и эпитимію въ благодарность Господу, Который сподобилъ ихъ слышать прощеніе своихъ преступленій.

Скоро назначенъ былъ день отъѣзда Бѣлосельскихъ въ Москву.

Ѳеодоръ и Людмила торжествовали

и не знали, какъ благодарить Бога за счастливое окончаніе дѣла.

Вечеславъ также былъ веселъ, и тайно, въ удаленной комнатѣ молился со слезами. Его лице, всегда пасмурное, тогда было весело, торжественно. И какъ не веселиться ему? Онъ былъ виновникомъ счастія всѣхъ тѣхъ, которые окружали его.

Ханъ также получилъ Всемилостивѣйшее прощеніе отъ Царя и, почитая виновникомъ этаго Бѣлосельскаго, подарилъ ему драгоцѣнныя ткани.

Наконецъ день отъѣзда наступилъ. Ѳомушка обошелъ наканунѣ кругомъ своего жилища и прощался съ тѣми мѣстами, въ которыхъ проводилъ почти всю жизнь свою.

Тогда, какъ лошади были поданы къ подъѣзду и Бѣлосельскіе отправились въ Москву, онъ, съ помощію своихъ

товарищей, поджегъ во многихъ мѣстахъ за̀мокъ, и черезъ нѣсколько времени смрадное облако облегло кругомъ его; потомъ огненный столбъ потянулся къ небу, и скоро, скоро всегубительное пламя разрушило все зданіе. Одни лишь малые остатки напоминаютъ о немъ, и преданіе, дошедшее до насъ, поясняетъ ихъ, и кѣмъ и когда они были начаты и окончаны.

Бѣлосельскіе возвратились въ Москву. Людмила, отъ полноты чувствъ, облабызала землю родины и омочила ее слезами. Вечеславъ, скоро по пріѣздѣ, былъ у Царя, благодарилъ его за милость и разсказалъ ему о своей радости. Царь также благодарилъ его и подарилъ на сарафанъ Людмилы парчи, шитой богато золотомъ, и жемчужное ожерелье.

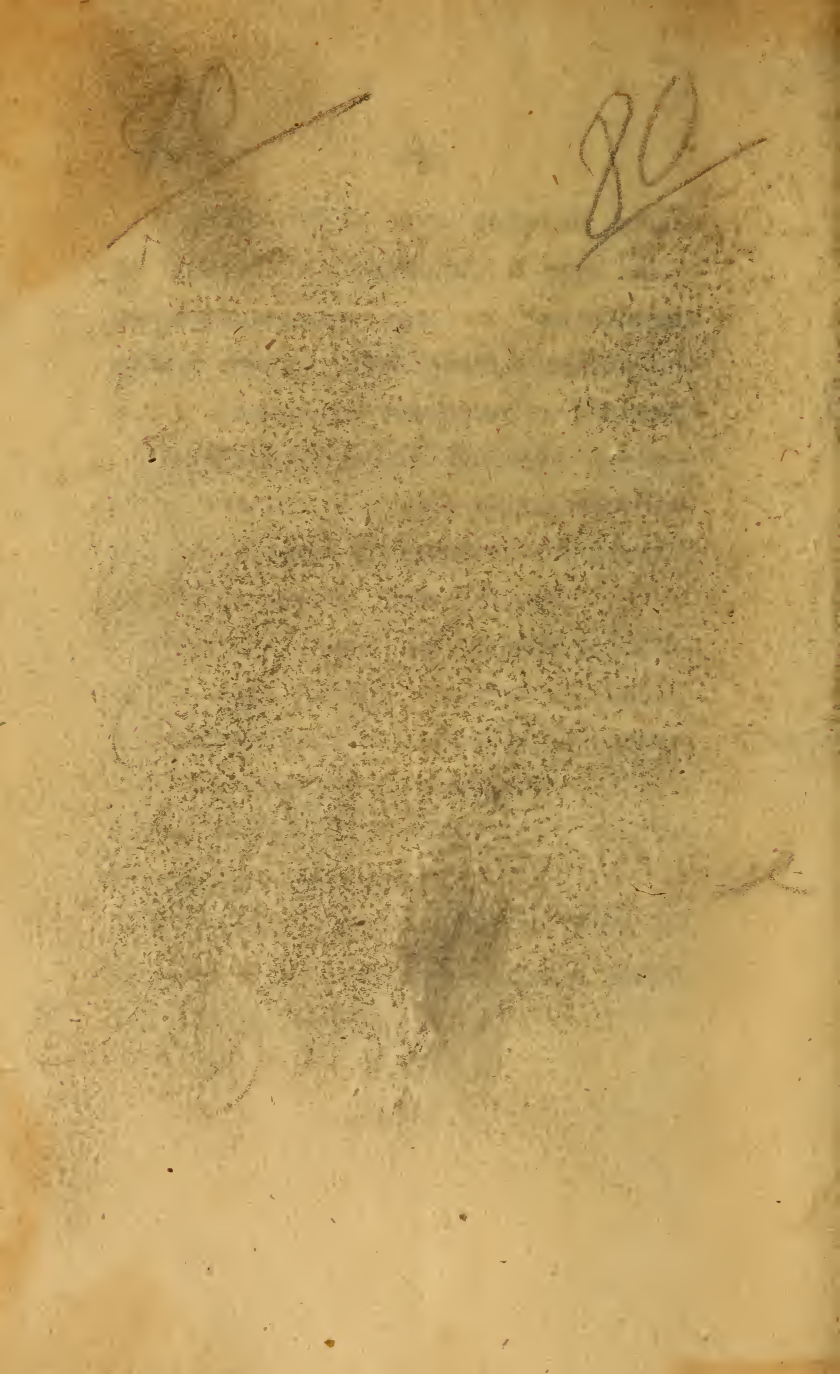
Недѣли черезъ двѣ сыграли свадьбу Ѳеодора и Людмилы, и отъ этаго торжественнаго дня, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, новобрачные давали пиры, о которыхъ говорили въ Москвѣ.

Вечеславъ подарилъ Ѳеодору половину крестьянъ, пожалованныхъ ему Царемъ, и такимъ поступкомъ обезпечилъ будущую жизнь своего брата.

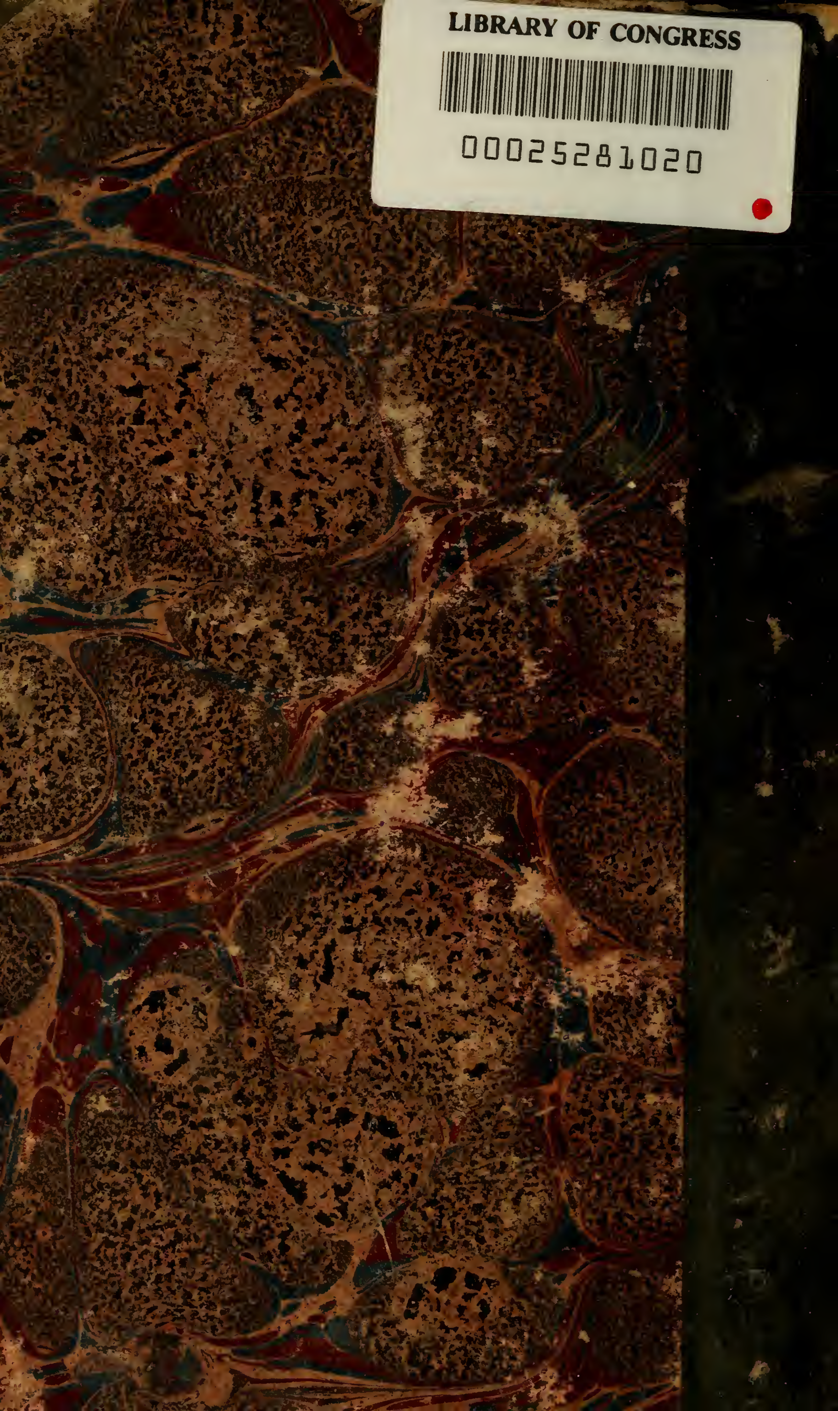
Ѳомушка былъ на свадьбѣ и радовался, какъ отецъ, счастію молодыхъ; потомъ черезъ двѣ недѣли распростился съ любезными ему сердцу и съ родимою Москвою, и отправился въ Соловецкій монастырь.

Товарищи также избрали себѣ по желанію родъ жизни и начали жить честно, безупречно.

КОНЕЦЪ.


80

В. И.
Клочковъ
С.П.БУРГЪ
ЛИТЕЙН. ПР. 55.
КНИГОПРОДАВЕЦЪ-АНТИКВАРІЙ



LIBRARY OF CONGRESS
00025281020